

кр
74.263.2

М 605

Рязанский областной отдел народного образования
Институт усовершенствования учителей

Н. П. МИЛОНОВ

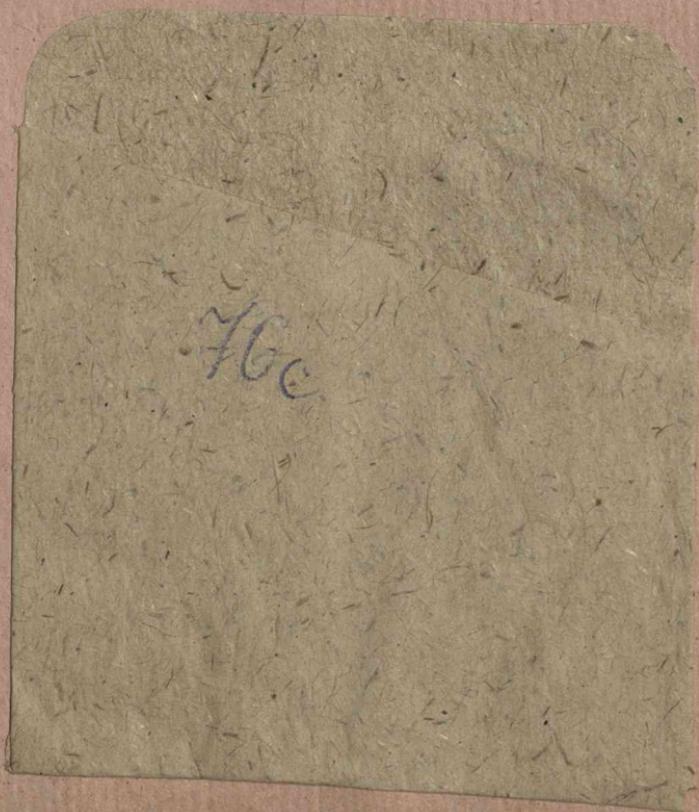
ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ
И ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ СЕЛ И ГОРОДОВ
РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

(В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ-КРАЕВЕДУ)

Рязань

1950

76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа доцента Рязанского педагогического института Н. П. Милонова является продолжением недавно изданного пособия для учителей - краеведов «К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области» (Рязань, пединститут, 1949 г.). Если в предыдущей работе основное внимание учителя было обращено на методику использования при изучении родного края археологических памятников и частично письменных источников, то в данной брошюре указаны другие источники историко - краеведческой работы: архивные документы, топонимика, этнография. При этом автором отмечается специфика каждого вида указанных источников и подчеркивается необходимость проведения взаимопроверки их.

В каждом районном центре есть архив. Использование архивных источников, в особенности по истории социалистического строительства, даст возможность учителю поставить историко - краеведческую работу на прочное научное основание и решать с учащимися школы актуальные вопросы, общественно - полезные, а не случайные. В настоящее время чрезвычайно важен сбор, например, исторического документального материала о естественных богатствах своего края, о выдающихся промыслах населения, так как этот материал может в известной мере прямо содействовать дальнейшему росту социалистического хозяйства.

Архивные документы должны быть сопоставлены с имеющимися у самого населения сведениями, преданиями и воспоминаниями по тому или иному историческому событию, явлению. Большое значение имеют документы для изучения классовой борьбы, военной истории. В соответствующих фондах Рязанского областного исторического архива с разрешения архивных работников учитель может найти материал, характеризующий участие данного района, села или группы людей в крестьянских и рабочих восстаниях, в тех или иных битвах и сражениях русского народа с различными внешними врагами (например, в Отечественной войне 1812 года). Особенно богатый материал отложился в архивах по истории гражданской войны, по событиям Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., о героях тыла и фронта—уроженцах данного края. Этот материал, собранный из архивов учителем, может быть значительно дополнен учащимися, собирающими сведения через своих родителей и старших участников гражданской или в особенности Великой Отечественной войны.

Данные письменных источников и воспоминания старожилов, участников событий, составят тот исторический материал, который обрабатывается в виде летописи. Воспоминания, рассказы, включенные в летопись, могут быть использованы в школе—на выставках,

исторических вечерах, вечерах вопросов и ответов, в беседах учащихся с местными жителями. Учитель истории, собрав местный документальный исторический материал, может использовать его на уроках путем иллюстрирования им общеисторических фактов. Использование нового материала на уроке будет способствовать наглядности преподавания, пробудит интерес учащихся к изучению истории родного края.

Данные топонимики, или иначе сказать местных географических названий рек, поселков, урочищ и т. д., представляют собою самый доступный для собирания учащимися материал. Учитель, приступая с учащимися к изучению истории своего города, села, района, должен поставить перед детьми задачу собирать и записывать названия улиц, рек, озер, урочищ, мест добычи естественных богатств, всех тех терминов, которые относятся к окружающей природе, быту населения.

При сборе терминологического материала необходимо поставить перед учащимися требование узнавать, бытовало ли среди населения то или иное название до Октябрьской социалистической революции? Какие новые слова возникли в данном районе после Октября 1917 года, в годы сталинских пятилеток, в эпоху Великой Отечественной войны Советского Союза, против немецких захватчиков.

Вслед за собиранием материала идет классификация его по смыслу и значению терминов; выделяются термины старые и новые.

С помощью таких документальных источников, как писцовые книги, археологические данные, решается вопрос о времени, возникновения старого слова или названия например, сел: Городище, Одоевщина, Нарышкино, Гнетово и т. д. Окажется, что одни данные, подчеркнутые в литературе, объяснят происхождение названия села «Городище» (еще в X веке здесь существовал укрепленный славянский поселок), а данные письменных источников подскажут объяснение названий других вышеотмеченных сел (население их в XVI—XVII веках было крепостным и принадлежало помещикам Одоевскому и Нарышкину). Название села Гнетово возникло в XVII веке. Жители его подпали под жестокий гнет помещика и сами наименовали свой поселок «Гнетово».

Учащиеся могут собрать и очень ценный для исторической науки топонимический материал по местам битв, народных восстаний, источников ключевой, а иногда и минеральной воды и т. д. Такой подробный материал по микропонимике редко встречается в письменных документах. Учащиеся Сапожковской средней школы нашей области, заинтересовавшись названием речки «Черной», искали объяснение ему в химическом составе воды или в дне реки. Решая таким методом вопрос, они открыли знаменитые лечебные грязи, внося тем самым большой вклад в дело использования естественных богатств медициной.

Этнографический материал — это выражение старого и нового быта, промыслов населения, его культуры. Он дает возможность ярко представить дореволюционное прошлое и сравнить его с современной жизнью советского человека. Сравнение, например, старой и новой домашней утвари, одежды, жилищ, развивает в учащихся наблюдательность, умение объяснить причины отсталости в прошлом и стимулы необычайного роста социалистической деревни, наших городов. Если не в утвари, одежде, в быту, то в воспоминаниях и рассказах старших живы еще кое-где детали прошлого. Собрав весь этот материал необходимо для того, чтобы нагляднее раскрыть перед учащимися условия жизни населения данного, например, села до Октябрьской революции и противопоставить им

новую жизнь советского человека. Учитель, имея такой сравнительный материал, может использовать его на уроках истории в качестве конкретной иллюстрации.

Характеризуя, например, крепостную деревню XIX века, отмечая, что в большинстве уездов Рязанской губернии были курные избы, можно на этнографическом материале показать, что Рязанская губерния была одной из самых крепостнических в царской России. Очень интересно проследить, как в данном селе изменился быт, одежда, обстановка внутри жилищ. Такой показ даст учащимся конкретное представление о смене общественно - экономических формаций.

Среди этнографического материала, говорящего о прошлом, важно отобрать то, что указывает на народное творчество, что носило прогрессивный характер и представляло собой национальную гордость наших предков. К этому могут относиться ценные изобретения, усовершенствования, которые были изобретены и введены самим народом: ткацкий стан, стильная вышивка, оригинальный самобытный орнамент, техника кружевоплетения и т. д. Необходимо выяснить, что из старого сохранилось до сих пор и что исчезло.

Весь собранный силами учащихся материал найдет в школе свое практическое применение и в учебной работе в качестве соответствующего наглядного пособия, и в кружковой работе в качестве выставочных экспонатов.

В целях разъяснения сущности каждого источника изучения истории местного края в данной брошюре дается не только характеристика источников, но и на примере восстановления истории города Пронска показаны приемы использования источников.

В конце брошюры даны образцы различных видов источников изучения истории местного края в виде приложений: 1) образцы архивных документов, 2) список крутовых и районных селений, 3) из описи писцовых, переписных, дозорных, перечневых и др. книг. Эти приложения наглядно подтверждают эффективность источников, описанию которых уделено внимание в данной работе.

1958

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Мировоззрение марксистско - ленинской партии — диалектический и исторический материализм — с предельной четкостью и ясностью изложенное в гениальной работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», является той научно - теоретической и методической основой, на которой только и возможно правильно представить себе весь исторический процесс.

Положения исторического материализма вооружают нас на понимание закономерностей исторических событий и фактов, на изучение явлений общественной жизни, на выявление взаимосвязи производительных сил и производственных отношений в пределах каждой общественно - экономической формации, на глубокое уяснение роли классовой борьбы как основного стимула в развитии классового общества, на понимание неизбежности победы Октябрьской социалистической революции в нашей стране.

Марксизм - ленинизм дает возможность исторически правильно осмыслить материал как по истории СССР, так и по истории местного края. Он является и тем главным первоисточником, который направляет все содержание по собиранию, изучению, отбору и накоплению конкретных исторических данных в ходе учебных и внеклассных занятий по истории СССР в школе.

В недавно опубликованных работах (Н. П. Милонов, Б. С. Шустов. Маршруты школьных туристических походов. Рязань и ее окрестности. Изд. Рязанского обл. института усовершенствования учителей; Н. П. Милонов. К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Изд. Рязанского пединститута) внимание было сосредоточено преимущественно на археологических памятниках и лишь частично исследовались документальные письменные источники. В настоящем очерке ставится задача охарактеризовать другие источники, главным образом, архивные документы, топонимику, этнографию в качестве необходимых средств по изучению истории нашей области.

Учитель истории должен строить краеведческую работу на основе данных советской исторической науки, широко применяющей различные документальные данные в их взаимодействии.

Все архивные документы можно разделить на две группы: документы неопубликованные, хранящиеся в фондах архивов и подлежащие выявлению в целях дальнейшего изучения их, и документы опубликованные. Опубликованные документы, вошедшие в обиход или известные в исторической литературе, представляют большой интерес, так как многие из них, как хорошо изученные, апробированные, дают ценные сведения по истории данного края.

Использование только неопубликованных архивных материалов, содержание которых еще неизвестно краеведу — историку не может быть рекомендовано, особенно в самом начале работы. Потребность в изыскании новых, еще неизвестных в специальной литературе архивных документов, должна быть выявлена в результате определения того, что есть в опубликованных источниках, в литературе, и что именно надо искать, заново открывать и исследовать. Кроме того, необходимо учесть, что не всякий ранее опубликованный архивный документ теряет свое научное значение и вновь открытый

не обязательно является редким. Это надо учесть еще и потому, что архивная работа очень сложна, требует много времени и умения работать с письменными источниками, многие из которых могут быть прочтаны и поняты только при соответствующей специальной подготовке, например, столбцы XVII века, написанные трудно читаемую «скорописью».

Исторические документы разнообразны: хроники, летописи, мемуары, художественная литература той или иной эпохи; юридические документы (законы, уставы, акты, грамоты и т. д.); программный материал (воззвания, памфлеты, политические трактаты), разного рода хозяйственные описи, цифровые сводки; записи современников, отвечающие на темы, вопросы эпохи и т. д.

Документы — важнейшие источники изучения местной истории, и многие из них являются сами по себе крупнейшими фактами в истории, например, судебные законы. Документ ценен нам и тем, что он открывает возможность глубоко вникнуть в конкретную историческую ситуацию, непосредственно ознакомиться с законами, нормирующими жизнь общества, с требованиями и положением отдельных классов и групп общества, с развитием хозяйственной жизни и т. д., документ дает конкретное и жизненное описание событий и явлений прошлого. (См. приложение «Образцы архивных документов»).

Необходимо выяснить обстановку, в которой появляется документ и тем самым объяснить его классовый характер и его значимость. Кроме того, необходимо иметь в виду, что письменный документ может иметь многогранное значение для раскрытия того или иного факта, относящегося к соответствующей исторической эпохе, что он взаимодействует с другими источниками и что правильно понять его можно только на основе высказываний классиков марксизма-ленинизма по тем историческим вопросам, к которым этот документ относится.

Определив общее значение архивного документа, как исторического источника, перейдем к вопросу о взаимодействии этого источника с другими, учитывая необходимость связи местной истории с историей СССР.

Летописи, актовый материал, памятники юридической письменности являются главными источниками для выяснения внутренней жизни общества, классовых противоречий. Перечисленные письменные источники имеют основное значение для изучения, например, истории Киевского государства и периода феодальной раздробленности. Но для этих же эпох огромное значение имеют вещественные исторические документы: памятники археологические и архитектурные и т. п. Также могут быть привлечены в качестве вспомогательных источников при изучении быта, хозяйства, техники, культуры населения и этнографические материалы, данные языка, фольклор.

Умелое сочетание письменных документов с вещественными служит наиболее действенным методом краеведческого исследования, так как этим достигается научность и убедительность в объяснении исследуемых исторических фактов, явлений, событий. Поясним это примерами.

Изучая вопрос о происхождении (генезисе) древне-русского города, стадийности его развития, мы можем наряду с археологией применить и данные архивных документов. Археологические материалы, собранные в итоге полноценных раскопок, помогают понять основу, на которой древне-русский город возникает (старое селище, замок дофеодального периода, ремесленная слободка и т. д.). В процессе археологических раскопок удается изучить планировку города, определить типы построек — жилищ, мастерских и т. д.;

изучить производство в городе, его материальную культуру, быт населения.

В свою очередь архивные документы, например, из фондов Рязанской воеводской канцелярии первой четверти XVIII века и более позднего времени (областной государственный исторический архив), свидетельствуют о находках на территории Старой Рязани и Переяславля Рязанского кладов монет, гривен и драгоценных вещей, относящихся к XII—XIII векам. Мало того, такие архивные документы позволяют решить вопрос о том, что многие изделия в древнем городе, в данном случае в Рязани, изготовлялись из местного сырья. Так, мраморные плитки, служившие облицовкой отдельных частей старо-рязанских каменных построек, изготовлялись из мраморовидного камня, добываемого недалеко от древнего города.

Установление этого факта на основе архивных документов дает право считать необоснованным прежнее предположение дореволюционных археологов и историков о том, что будто бы все ценное сырье в древние русские города привозилось издалека, и будто бы даже из других стран.

Из архивного документа (фонд канцелярии губернатора) мы узнаем о том, что в начале XIX века в Переяславле Рязанском было найдено 197 серебряных слитков. Эти слитки оказались серебряными гривнами XII—XIII веков, изготовленными рязанскими ремесленниками. Следовательно, предположение буржуазных археологов о заимствовании русскими ремесленниками зарубежных технических приемов изготовления серебряных и золотых изделий является несостоятельным. Наоборот, письменные источники свидетельствуют о больших технических навыках рязанских мастеров еще в XIII веке, и об умении населения отыскивать и использовать естественные богатства своего края, например, мраморовидный камень.

Говоря на основе археологических данных о военно-стратегическом значении древних рязанских городов, мы не можем обойтись без таких документальных письменных источников, как писцовые книги Рязанского края XVI—XVII веков или рязанские дозорные книги XVII века. Они дают подробное описание городских укреплений того времени (писцовые книги) и засечных оборонительно-сторожевых линий Московского государства в XVI—XVII веках (дозорные книги), рисуя нам картину сторожевой службы и борьбы русского народа за свою независимость.

Указанные примеры подтверждают значение документальных архивных источников при выяснении раннего времени истории местного края. Особенно же велико значение архивов для изучения истории более позднего времени (XVIII—XIX и начала XX века и особенно советского периода истории СССР).

Архивные документы не только дополняют данные археологических памятников. Они, как увидим дальше, взаимодействуют с такими источниками как этнографический материал, имеющий большую ценность для историко-краеведческого исследования.

В 70—80 годах XIX века на территории Рязанской губернии осуществлялась перепланировка деревень и сел, нарезались участки приусадебной крестьянской земли, осуществлялось межевание пахотной (отрезки). В связи с этим резко изменились планы поселков.

В Рязанском областном краеведческом музее нами обнаружен ценный архив, содержащий более 1.500 документальных чертежей-планов сел и деревень различных уездов Рязанской губернии. В этих чертежах и планах фиксированы особенности топографии,

хозяйства, классовой дифференции рязанской деревни второй половины XIX и начала XX века. На основе их изучения из всех известных 1500 планов оказалось возможным выделить девять типов планов, характеризующих историю рязанской деревни от XII века до 70—80 годов XIX века, т. е. до момента перепланировки, осуществленной частично до реформы 1861 года, а в особенности после нее, лежащие в основе многих поздних планов. Старые планы сел и деревень по своему происхождению принадлежат глубокой древности и свидетельствуют о тех условиях, какие влияли на выбор места первоначального поселка и о последующих изменениях в планах в связи с социально-экономическими переменами в жизни древне-русской деревни.

Старые типы поселков следующие: круговой план (см. рис. № 1) характерный, как известно для восточных и западных славян (например, палабских славян); радиальный (см. рис. № 3), когда улицы веером идут от одного центра; так называемый погостный (см. рис. № 7), когда дома группируются вокруг торговой площади, вокруг б. церкви; линейные планы, по которым расположение улиц идет по прямой линии—слободой, подобно украинским станицам (см. рис. № 6), разбросанное, беспорядочное размещение домов и отсутствие прямых линий в расположении улиц (см. рис. № 4); перпендикулярное расположение домов по отношению к течению реки или к линии направления оврага.

Обнаружены планы, в которых дома расположены по линиям замкнутого квадрата (см. рис. № 2), а площадь внутри квадрата занята пашней (село Свинчус, Касимовского района), риги же всех хозяйств отнесены от домов на 1—1/2 километра и все вместе сгруппированы на отдельной самостоятельной территории. Для планов сел южных уездов Рязанской губернии характерно расположение амбаров, овинов и др. хозяйственных построек по линии впереди домов, а северных уездов — позади домов. В качестве планов поселков, отражающих классовый состав населения, интересны планы, когда вся деревня разбита на три, а иногда и на четыре ячейки — общины: одна часть домов населена государственными крестьянами, другая—удельными, третья—однодворцами (рис. № № 5, 6, 3). Встречены случаи совмещения с тремя первыми четвертой группы изб—изб крепостных, расположенных в сторону к усадьбе помещика.

Некоторые из рассмотренных нами планов позволили установить процесс формирования однодворцев из государственных крестьян и дальнейшую социально-экономическую дифференцию их, а именно, превращения части однодворцев снова в государственных крестьян.

Как показывает анализ планов поселков по материалам открытого архивного фонда (описания деревень Рязанским губернским земством и канцелярией губернатора), возможно проследить развитие типов деревенских поселений на территории б. рязанского края до 1913 года и тем самым подойти к решению целого ряда важных в научном отношении вопросов, связанных с историей русской деревни.

Привлекая сведения о деревнях из писцовых книг XVI—XVII веков, древних рязанских грамот XIV—XV веков (особенно жалованных грамот), используя археологические данные по древне-русской деревне XI—XIII веков и по жилищам восточных славян, мы можем восстановить изменения в развитии производительных сил и производственных отношений в русской деревне за весьма длительный исторический период.

Кроме того, применив полное и всестороннее взаимодействие различных источников — археологических, этнографических, доку-

ментально - письменных (архивных), можно представить историю развития земледельческих орудий, систем земледелия, их смены в связи с экономическими, классовыми изменениями в жизни древнерусского населения. При этом архивные материалы занимают одно из первенствующих мест.

Возможно установить также классовые противоречия, изучить массовые крестьянские восстания, характерные для XVII в., еще более для XVIII и в особенности для периодов перед реформой 1861 года, самой реформы и после нее.

При изучении истории сел методом сопоставления различных источников (археологии, топонимики, грамот и писцовых книг, архивных документов XVIII—XIX веков, непосредственного изучения современного состояния поселка), возможно выявить все изменения, особенности в их жизни в пределах различных общественно - экономических формаций.

Поясим это на одном ярком примере, именно — на изучении истории села Семион, Семионовского района, Рязанской области.

По данным археологии¹⁾ (см. описание археологических памятников в Рязанском областном краеведческом музее, археологический каталог №№ 550—553) установлено, что самый ранний памятник в районе этого села относится еще к первобытно-общинному строю, к эпохе раннего железного века (начало новой эры, так называемой дьяковской культуре), представлял собой городище, т. е. укрепленное валами и рвами небольшое по территории поселение патриархальной семьи. Жители этого городка занимались охотой, рыболовством, коневодством (лошадь была с'едобным животным) и отчасти земледелием. Населению известны были добыча железной руды и ее обработка. Во главе патриархальной общины стоял старший в роде мужчина.

К эпохе древне - русского государства (XI—XIII веков) на территории, где расположено с. Семион, относились славянские и древнерусские селища, материальная культура которых свидетельствует о том, что земледелие в этой ранне-феодальной деревне становится уже главным занятием. К более позднему времени (XVI—XVII векам) принадлежат следы поселка, обнаруженные при археологическом обследовании в 1928 году в черте самого села и об этом же времени свидетельствуют документальные письменные источники (писцовые книги, грамоты и др.)²⁾.

Если в XI—XIII веках поселок состоял не более, как из 3—4 дворов (маленькая сельская община), то в XVII веке здесь было два двора боярских, 21 двор крестьянских (1676 год), а земли было 300 четвертей. Но вся земля в основном и лучшие угодья в районе села и окрестных деревень принадлежали монастырю. В 1624 году Семионовскому монастырю дана была грамота царем Михаилом Федоровичем на все вотчины — «селища со всякими угодьями, что издавна к этому монастырю тянуло». Все же крестьяне стали крепостными и числились за монастырем, отбывая барщину на монастырь и платя оброк ему²⁾.

¹⁾ Обследование всех отмеченных памятников по открыт. листу Академии истории матер. культуры им. Н. Я. Марра было проведено мною в 1928 г., материалы обследования хранятся в фондах Рязанского обл. музея.

²⁾ Историко-статистич. описания Добролюбова т. II, Рязань, 1885 г. Рязанские достопамятности № 273, быв. Моск. Архив. Минист. Юстиции, в числе грамот Коллегии экономии грам. за № 28/101488, окладн. книги 1676, лист. 285, сборник статист. сведн. по Рязан. губернии, т. X, Рязкск. уезд вып. 1, стр: 202 — 209, изд. Ряз. губ. земства.

По историко-статистическим описаниям Рязанской губернии видно, что в эпоху капитализма в селе Семионе (по переписи 1887 — 1891 г.) по X ревизии (1858 г.) всего населения 1168 человек, число душ, получивших надел по уставной грамоте или владельческой записи — 565, а домохозяев 277, мужчин, занимающихся отхожими промыслами, 218. Надельной земли на душу приходилось 2,9 десятины, а число семей, владеющих собственной землей — 58, число же семей, арендующих вненадельную землю — 42. Урожай ржи сам 5,5, овса — 4. Процент безлошадных к общему числу домохозяев — 51,3, а процент бескоровных к общему числу домохозяев 32,9 и дворов — без лошади и коровы 79, т. е. приблизительно 30 процентов.

Характерны данные, относящиеся к быту населения, например: из общего числа изб, топящихся по белому — 21, по черному (печь без трубы) — 232 (см. сбор. статист. сведений по Рязанской губ., т. X, вып. 1 Рязанский уезд, издан. Рязан. губернии: земства, Рязань 1888 г.).

Из монастырских крепостных XVII века семионовские крестьяне в эпоху капитализма превращены были в государственных. Положение этих государственных крестьян, как видно из данных земской статистики XIX века, характеризовалось обезземеливанием и обеднением значительной части тех жителей села, которые не имели ни лошади, ни коровы. Более 30 процентов взрослых мужчин занято было отхожими промыслами. Процесс расслоения деревни и обеднения значительной части ее населения продолжался до самого Октября 1917 года. Октябрьская социалистическая революция, укрепление колхозного строя, сталинские пятилетки создали новую эру в жизни села Семиона. Колхоз имени Степана Разина — пример и свидетельство животворящей, преобразующей силы социалистического строя в нашей стране. Навсегда, в область предания ушли из села Семиона старый быт и бедность, разорение многих трудящихся крестьян. Об успехах и достижениях этого колхоза говорит нам летопись событий о трудовых подвигах колхозников.

«За двадцать лет со дня организации артели имени Степана Разина добилась серьезных успехов в укреплении и развитии общественного хозяйства. Неделимый фонд вырос с 3 тысяч рублей в момент организации колхоза до 1 миллиона 636 тысяч рублей. Колхоз имеет хорошие хозяйственные постройки, механическую и слесарную мастерские, мельницу и просорушку. Построены своя гидроэлектростанция и радиозузел...»

«В колхозе четыре животноводческих фермы крупного рогатого скота, свиноводческая, овцеводческая и птицеводческая, пасека, сад плодовый, питомник. Из года в год растут доходы колхоза и колхозников»...

В двадцатилетний свой юбилей и в 32 годовщину Великой Октябрьской социалистической революции колхозники достигли новых успехов в дальнейшем развитии общественного хозяйства артели. Сверх плана в 1949 г. колхоз сдал 15.600 пудов хлеба и 8.400 пудов картофеля.

Успехи, достигнутые колхозом имени Степана Разина, служат наглядным подтверждением торжества ленинско-сталинской политики коллективизации сельского хозяйства, жизненности и силы колхозного строя...» (Из обращения обкома ВКП(б) и облисполкома к председателю колхоза имени Степана Разина Семионовского района тов. Кошкину и секретарю парторганизации колхоза тов. Данилову в связи с двадцатилетием со дня организации артели. Областная газета «Сталинское знамя» от 4/XI—1949 г. № 217 (9306).

За двадцать лет (с 1929 г. до 1949 г. ноябрь мес). неизнаваемым стало село Семион. В 1929 году за колхозом было земельной площади около 200 га. После второго Всесоюзного съезда колхозников - ударников (1935 г.), за колхозом с. Семион закреплено было в вечное пользование 1898 га земли. В годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) колхозники артели имени Степана Разина работали самоотверженно и ничего не жалели для родного государства и сдали сверх плана в фонд обороны Родины 42.540 пудов хлеба. На постройку танка и самолета внесли 536 тысяч рублей деньгами. В 1944 году колхозники получили телеграмму от товарища Сталина с благодарностью за заботу об укреплении Всоруженных Сил нашей Родины.

Принятый в 1946 году пятилетний план развития колхоза успешно выполняется. Средний урожай зерновых в 1949 году составляет около 10 центнеров с га, а озимая пшеница дала урожай по 16 центнеров с гектара. Перевыполняется план общественного животноводства, неуклонно растет денежный доход и неделимый фонд артели, растет механизация и электрификация колхозного производства, сильно возросла техническая вооруженность колхозного хозяйства.

До колхозов на селе на 400 хозяйств имелось только: пара конных молотилок и на уборке применялись только такие орудия как цеп, серп, коса. В настоящее время в колхозе 3 двигателя, электрогенератор, 6 электромоторов, 3 грузовых автомашины, легковая автомашина, 52 плуга, 15 культиваторов, 11 сеялок, 5 сенокосилок, 7 жаток, 5 конных граблей, сложная молотилка, 9 веялок, триер, зерновые и клеверные сортировки, кормозапарник, сепараторы и многое, многое другое.

Постройки в колхозе капитальные, кирпичные, крытые железом. Вместе с ростом общественного хозяйства колхоза повышается материальный и культурный уровень колхозников. В 1949 году на трудодень колхозникам выдано по два килограмма зерновых, семь килограммов картофеля и более 2 рублей деньгами.

Почти в каждом доме колхозника горит электричество, имеется радио, многие колхозники имеют среднее образование. И немало детей колхозников раньше окончили высшие учебные заведения и теперь обучаются в них. В колхозе появились новые профессии, которых также не знала и не могла знать старая деревня: трактористы, комбайнеры, электротехники, врачи, агрономы, зоотехники, садоводы, лесоводы, токари, шоферы.

Все колхозники артели имени Степана Разина (села Семион) благодарят партию, правительство и лично товарища Сталина за то, что они вывели деревню на новый, светлый путь социалистической жизни (по материалам статьи пред. колхоза тов. Кошкина, «Сталинское знамя» от 4/XI—1949 г.)

Топонимика как источник для изучения истории края

Изучение топонимики в дореволюционное время нередко осуществлялось односторонне, без проверки данных ее другими источниками. Топонимический материал, оторванный от конкретной исторической обстановки, вне тесной связи с территорией, без взаимодействия с другими историческими источниками очень часто использовался буржуазными историками так, что делались неожиданные, необоснованные выводы.

В советской исторической науке значение топонимики велико.

Есть случаи удачного ее исследования и применения в качестве исторического источника.¹⁾

Изучение местной истории путем вовлечения в эту работу учителей, учащихся средних школ не может быть успешным без исследования топонимики. Небольшой опыт собирания материалов по терминологическим и местным словарям и объяснение его при сопоставлении с другими данными в Рязанской области есть. Еще до Отечественной войны 1941—1945 гг. в научный архив областного краеведческого музея из ряда районов поступил интересный материал по терминологическому словарю.

Лично мною собран материал относящийся к топонимике поселков, рек, угодий, урочищ по отдельным историческим картам Рязанского края и современной карте Рязанской области. Этот материал проанализирован в отношении его исторического происхождения путем изучения данных топонимики в древних рязанских грамотах, в писцовых книгах, историко-статистических описаниях. В какой-то степени результаты этой работы могут явиться основой для дальнейшего детального изучения рязанской топонимики учителями и учащимися старших классов средних школ в городах и районах нашей области.

Что дает нам историческая топонимика, фиксированная на современной карте Рязанской области?

Прежде всего в общей массе названий селений, городов и отдельных мест можно получить исторические справки и о времени происхождения этих терминов и о связи их с исторической обстановкой. К таким данным топонимики относятся, например, названия ряда городов, рек и урочищ: г. Пронск (р. Проня), г. Касимов (царевич Кайсим, XVI век,) село Казарь (хозары, X век;) Мурмино (Мурома, X век и раньше), Мещера, Мордово; Мордвиново; село Гремячее (гор. Гремячий, XVI век), село Вышгород (т. е. выше по течению Оки от старой столицы Рязанского княжества—Рязани); Стрелецкая, Пушкарская, Ямская, Казачья, Плотная (Плотничья) слободы ряда городов—Пронска, Шацка, Данкова, Рязька и др. Все эти слободы возникли, как известно из писцовых книг, в XVI—XVII веках.

Название деревни Олегино (Клепиковский район) связано, по-видимому, с Рязанским князем Олегом (2-я половина XIV века); село Стрельцы (Михайловский район) связано со стрельцами (XVI век). Черные слободы в Шацке и Путятинском районе и слобода беломестная в Михайловском районе по данным писцовых книг относятся к XVI—XVII векам. Название села Караулова (Путятинский район) имеет отношение к сторожевым постам на Засечной линии (XVI век); деревня Владычино Клепиковского района принадлежало рязанскому архиерею и название это встречается в писцовых книгах XVI века и в грамотах XVI века.

Все упомянутые названия и им подобные встречаются в письменных документах XVI—XVII веков (писцовые и переписные книги, платежные, окладные, перечневые, дозорные) и некоторые из этих названий отмечены в рязанских грамотах XIV—XV веков.

Целый ряд названий сел и урочищ, сохранившихся на современной карте области, связан с историко-археологическими памятниками, а иногда созвучен событиям военной истории края. К таким относятся: в Рыбновском районе — села Глебово—Городище (археологическое обследование и сведения летописей подтверждают факт

¹⁾ Б. С. Веселовский. Топонимика на службе у истории. Исторические записки № 17, 1945 год.

существования в этом месте древнего города. Сейчас здесь сохранилось городище); село Городищи, Вожская засека;

в Ижевском районе—деревни Городное и Городновичи (обе связаны с наименованием существующих здесь древних русских поселков).

в Пронском районе—Чортово городище (в этом урочище близ Пронска сохранились следы городища раннего железного века); в Сапожковском районе — село Курган на речке Мошке; в Муравлянском — дер. Курганчики; в Чернавском — село Черные Курганы.

Во всех трех последних названных пунктах, как известно из археологической литературы, были когда-то славянские курганы (XII век). Значительное количество урочищ вблизи многих современных сел и деревень сохранило названия историко-археологического значения и легко может быть источником для поиска новых археологических памятников.

Особенно распространенными на современной карте Рязанской области являются названия поселков, урочищ, связанными с природными условиями, естественными богатствами и занятиями населения. Сюда относятся такие названия, как например, в Сапожковском районе — Черная речка, поселок Рыбий; в Муравлянском районе—с. Наральное (от «рало»—плуг, (ралом называлась и древняя соха у славян), Новополье, Ясная поляна, Ягодное; в Лебедянском районе — селищи Ольховец, Дубовино, Вязово, Ракитино; в Трубетчинском — Новоселы (одинаково по смыслу с древне-русским «ново-приходцы» противопоставленное «старожильцам»), Моховая, Зеленый, Волчье; в Букринском районе—Медвежье; в Рязанском—Дегтяное, Староселье; в Ермишинском — Вышеславские поляны, Починок; в Желтухинском — Гореловка, Боровое, Березняки; в Михайловском — Пустошь, Горностаевка; в Милославском—Заболотское, Дегтярка; в Воскресенском — Хорошие воды, Яблонево, Подосинка, Красная степь, Боровцово; в Пителинском—Пеньки, Подболотье, Земледелец (новое название); в Клепиковском районе—озеро Дубовое, Ширьево болото; в Солотчинском — Дубовичи; в Михайловском—Березовка, Лужки; в Захаровском — Горностаевка, Погореловка; в Мервинском—Подвязье, в Спасском—д. Выселки, Ровеньки, Дубовичи, пос. Дубовый; в Касимовском районе—Болотце, Подлипки, Селище; в Рыбновском—Пальное, Хворостово, Сельцы, Рыбное—Раменки, Старолетово; в Кадомском—Полтево-Пеньки, Труфановы Поляны; в Ижевском—Черная речка; в Бельговском—Гузь Железный, Погост.

Письменные источники, грамоты, писцовые книги, межевые, дозорные и др. дают нам для XIV — XVII веков следующие виды названий поселений, обработанных земель или приписанных в угодья местностей: село, сельцо, слободка, деревня, погост, починок, пустошь, селище, поляна, луг. Из них населенными являлись село, сельцо, деревня, слободка, погост и починок. 1)

В XV веке село являлось административным центром, к которому тянется целый ряд деревень и всяких угодий. Село имело свой уезд. Но к концу XVI века административное значение сел в Рязанском крае сохранилось только в крупных вотчинах, особенно монастырских²⁾. Трудно было различить сельцо и деревню; сло-

1) Шиманский. Рязанский уезд в конце XVI века и в нач. XVII в. по писцовым книгам. Рязань 1911 год.

2) Там же стр. 33

бодки различались пашенные и непашенные, а пашенные слободки ничем не отличались от других поселений.

Непашенные слободки находились большей частью на посадах и вблизи городов. Население их занималось всякими ремеслами. Под почином разумелось недавно образовавшееся поселение (1—2 не свыше 3-х дворов).

Почти все отмеченные в письменных источниках виды поселений по названиям кое-где сохранились и сейчас, но эти старые названия уже далеко не соответствуют современной жизни сельского поселения, всюду ставшего колхозом, социалистическим хозяйством, ни в коей мере не сравнимым с прошлым.

Старые названия сел, деревень говорят о многовековой истории того или иного поселка, организовать изучение которой и является задачей историка-краеведа.

В старых названиях сел, деревень нередко можно проследить картину природы, так называемой дикой степи, дикого поля, осваиваемых рязанским населением в XV—XVII в.в., увидеть своеобразие местного растительного и животного мира.

Так, очерчиваются участки и границы распространения березовых, буковых, вязовых, кленовых, липовых пород деревьев, дубрав, массивов дубового леса. (См. приложение «Из описи писцовых и др. книг»).

Изучение старых границ распространения растительности может натолкнуть наше внимание на возможность произрастания в соответствующих районах области тех видов леса, которые здесь истари связаны с определенной почвой, с определенными климатическими условиями и соответствующим водным режимом. Правильное решение этого вопроса на документально историческом материале может в известной мере содействовать осуществлению великого сталинского плана преобразования природы, восстановлению на данном месте растительности, особенно стойкой и выгодной для борьбы с засухой, для получения высоких урожаев.

Тщательное собрание школой указанного топонимического материала направит внимание учащихся на установление связи теории с практикой, науки с жизнью.

Вслед за названиями сел, связанных с природными условиями и занятиями населения в б. Рязанской губернии были широко распространены названия, относящиеся к фамилиям землевладельцев. Большею частью эти названия возникли в XIV—XV веках, особенно же в XVI—XVII веках, когда на территории Рязанского края, в районах так называемого дикого поля, происходил захват земель мелкими и крупными феодалами с согласия и по пожалованиям Московского правительства. Проникновение московской феодальной колонизации в степь, в целях организации обороны южных и юго-восточных границ государства, привело к основанию городов—крепостей: Рязк, Данков Слободской, Раненбург (ныне Чаплыгин), Скопин, Лебедянь, Шацк и др., к устройству военно-оборонительных линий и засечной черты: Шацкой, Рязанской, Красносельской и Липецкой и др. Параллельно с этим в южных районах Рязанского края возникли мелкое, среднее и крупное поместное и вотчинное земледелие. Во второй половине XVI века усиливается экономическая закабаленность крестьян и свободный переход их стесняется, заменяясь «вывозом». В Рязанском крае это было связано еще и с тем, что присутствие служилых людей в южных окраинах являлось необходимостью. Правительство старалось увеличить льготы дворянам, освобождая их от всяких повинностей. Здесь, в городах, вследствие их военного положения, встречается большое разнобо-

разие среди служилых людей: стрельцы, пушкари, затинщики, казаки, казенные плотники, казенные сторожа, рассыльщики, толмачи и т. д. Большинство мелких служилых людей пользовалось хлебным и денежным жалованием (см. назван. работу Шиманского, стр. 17—21 и следующий раздел).

Особое место занимали рязанские казаки. Они несли сторожевую и разведочную службу, из всех ратных людей получали самые большие населенные участки (Шиманский, стр. 131). В составе служилых людей были и владельцы крупных поместий и вотчин, служащие «по выбору» и играющие видную роль в крае—Прокопий Ляпунов (См. прилож. «Из описи писцовых и др. книг»).

После 1613 года в составе служилых людей в Рязанском крае появляются представители видных дворянских родов, а также и представители феодальной знати: Волконские, Морозовы и т. п. (Шиманский, стр. 38—39, см. в приложении «Из описи писцовых и др. книг»).

В связи с систематически осуществлявшейся в XVI—XVII веках колонизацией в южных районах Рязанского края установилась жесточайшая эксплуатация крестьян не только крупными, но и мелкими землевладельцами. Рязанская губерния оказалась в XIX веке одной из самых крепостнических губерний царской России. Таким образом, изучение топонимики сел и деревень, относящейся к фамилиям помещиков, тесно связано с историей землевладения, с историей крепостничества и феодальной эксплуатации.

В топонимике также встречаются термины, относящиеся к истории классовой борьбы в Рязанской губернии XIX века (главным образом крестьянские восстания). Ярким примером такого топонимического материала служит название например села Гнетово Сологачинского района. Старожилы этого села рассказывают, что данное название, передаваемое из поколения в поколение, возникло еще в эпоху жестокого крепостнического гнета со стороны местных помещиков.

Н топонимике, характеризующей историю землевладения помещичьего и вотчинного в XVI—XVII веках и более позднего времени, надо отнести следующие названия сел Рязанской области: в Касимовском районе—с. Самылово, Перхурово; в Чучковском—с. Голенищево; в Мервинском—Романцево, Дашково; в Букринском районе—Ромадаурово; в Рязанском—Шереметьево, Самарино; в Милославском—с. Милославское, Нарышкино, Шишкино; в Воскресенском районе—Варятино, Кобыково, Телепнево, Одоевщина; в Михайловском—Гагарино и т. д.

Для установления связи перечисленных названий с историей феодального землевладения необходимо обратиться к таким письменным источникам, как писцовые, переписные, платежные, окладные, межевые книги. (См. приложение «Из описи писцовых и др. книг»).

Сбор у населения сведений по истории сел и городов, данных топонимики и проверки их письменными документами—все это дает возможность преподавателю истории вместе с учащимися школы, занимающимися историко-краеведческой работой, восстановить интересные и очень важные факты из жизни населения в прошлом.

Для полной характеристики рязанской топонимики остановлюсь на данных терминологического словаря, составленного в результате работы этнографов и учащихся рязанских школ и хранящегося в научном архиве Рязанского областного музея.

В ряде бывших уездов Рязанской губернии долгое время в местном терминологическом словаре хранились названия, характер-

ные для техники ткачества одежды, художественных вышивок и т. д. Примером таких терминов могут быть следующие: Затканка — кусок материи с вышитыми на нем узорами (б. Сапожковский уезд. Собр. 1923 г.); затканальник — стержень, на который привязывается основа того валика, что будет служить для наматывания холстины (б. Сапожковский у., 1920 г.); кокошник — женский головной убор (с. Бурминки, 1923 г.); колода — стан для ткачества холста (с. Братилово, б. Касимовского у., 1923 г.); конопное полотно — полотно из конопли в районе б. Богословщины, верхний Дон; красноглазка — название по узору паневы, которую носили молодые (б. Сапож. у., 1922 г.); крась — красные полосы на юбке (б. Сапож. у., 1922 г.); елочка — узор получающийся при ткачестве (Шостье, Сеитово б. Касимовский у., 1923 г.); жар-птица — вид узора на вышивках; желтоглазка — один из видов паневы (б. Сапож. у., 1922 г.); забравный — исполненный техники «бранья»; гонишь не догонишь — один из узоров на сапожковских затканках; гребенки — вид орнамента на сапожковских затканках; гуски-пушки — круглые шарики из гусиного пуха, надевались к мочкам уха (б. Скопин. у., 1922 г.); двойной орепей — вид орепейника на сапожковских затканках; денежкой — название узора вышивок (там же); добрый навешник — самый лучший (праздничный) о шести заборах (с. Сеитово, б. Касимов. у. 1923 г.); досчатые — название узора, украшавшего верхнюю часть рукава у женской рубашки (б. Скопин. у., 1922 г.); воробье — инструмент для разматывания пряжи; (с. Братилово, б. Гиблицкой волости, 1923 г.); «в три красы» — название узора юбки (с. Сурки, б. Данковск. у., 1923 год); выюн — узкая волнистая тесьма разных цветов, служащая для украшения воротника и праздничной рубахи (район Богословщины — верхний Дон); глазки — клетки паневы (с. Бурминка); белоглазка — название паневы по узору (б. Сапож. у., 1923 г.); брыкалки — части ткацкого стана, держащие берды и не позволяющие им балансировать.

Подобный же материал, касающийся техники и деталей устройства избы, обстановки дома, усадьбы, собран был в селах в 1920 годах и позднее. Вот некоторые характерные термины: чонича — клеть (с. Бурминка), гряды — деревянный брус от печи до стены, служивший для перегородки (чулан отделение в избе перед печкой) с. Братилово, б. Касимов. у. 1923 г.); «запечный угол», — угол избы, находящийся за печкой; коник (в избе) — род кровати (с. Су-чиевка, б. Касимов. у. 1923 г.); конник-оконник — лавки при входе в избу налево (с. Гремячее, б. Данковск. у. 1900 г.); задник-лавка, идущая от печи к стене, через дверь (с. Гремячи, б. Данковск. у. 1900 г.); задки — задняя часть усадьбы и огорода (с. Гремячки, б. Данк. у. 1900 г.); зады — часть усадьбы за домом; быки — бревна, игравшие роль стропил в ригах (с. Гремячки, б. Данковск. у. 1900 г.); белая изба — изба с русской печкой и трубой (б. Пронск. у. 1923 г.) сообщил А. П. Попов; мост — сени (с. Михурино, б. Касимов. у. 1923 г.); судья лавка — лавка при печке для посуды (с. Братново, б. Касимов. у.); хатки — небольшой амбарчик (с. Гремячки, б. Данковск. у. 1900 г.); черная изба — курная изба (б. Пронский уезд).

Учащиеся, собирая под руководством учителя материал по этнографии одежды, жилища, промыслов, быта населения, должны фиксировать то новое, что возникло в колхозной деревне в условиях социалистического хозяйства, в условиях грандиозного повышения общей культуры народа и отмечать, какие названия прошлого отмерли, какие остались, что из сохранившегося может быть от-

несено к лучшим национальным традициям. Надо фиксировать тот огромный революционный переборот в быту, хозяйстве, культуре колхозной деревни, который произошел с организацией крупного социалистического сельскохозяйственного производства. Материал прошлого, там, где он еще частично сохранился, делает ярким сравнение дореволюционной и новой колхозной деревни.

Рассматривая карту современной Рязанской области, мы встречаем очень много сел, деревень, получивших свое название, повидимому, от ранних промышленных гнезд. К таким относятся такие местные термины, бытующие у населения Касимовского и Бельковского районов: «жагра» — название рудокопного пласта в Сынтулах, «вершинник» — верхний рудокопный пласт (Сынтул), «мяча» — мягкий беловатый известняк, обжигаемый на известь, выход которого известен при впадении р. Сынтул в Оку: «кобел» — яма, рывина, это название, сохранившееся от добычи руд.

Рытвине документы, историко-статистические описания первой половины XIX века, фонды канцелярии губернатора, материалы для историко-географического описания Рязанской губернии, собранные Барановичем, касающиеся Касимовского уезда, свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII века близ Касимова у села Сынтул возникли металлургические заводы, существовавшие и в XIX веке. Эти заводы работали на местной железной руде. Следовательно, термины, сложившиеся у местного населения и бытовавшие до 1923 года, возникли не случайно, а были тесно связаны с длительной разработкой железных руд в данном районе.

Использование этнографического материала при изучении истории края

«Сила советского патриотизма состоит в том, — говорит товарищ Сталин, — что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность на рода своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза.» (О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1947 г. стр. 160—161).

Современная советская этнография, основываясь на определенных товарищем Сталиным сущности советского патриотизма, как проявления прежде всего любви к своему социалистическому Отечеству, сочетающейся с лучшими национальными качествами, тщательно изучает быт и культуру народов нашей страны как дореволюционной, так и социалистической эпохи. То лучшее, что было создано народом в прошлом и сохранилось в качестве ярких национальных традиций, воспринимается и развивается у нас сейчас в новых формах. Вместе с тем изучается и то, что возникло только в условиях социалистического строительства. Советские этнографы изучают быт новой деревни, новую народную социалистическую по содержанию национальную по форме культуру города и деревни.

Такое содержание и развитие советской этнографии резко отличается ее от дореволюционной, буржуазной этнографии, изучавшей прошлую, так называемую реликтовую культуру, в которой нередко не различались классовые особенности и не отделялось прогрессивное, народное от реакционного, антинародного. Сила и значение этнографического материала в том, что он, изучаемый на основе исторического материализма, дает возможность выявить творческие способности народа. Этот материал помогает нам видеть и понимать культуру народа, возникшую в глубокой древности, встреча-

ную противодействие в условиях феодально - крепостнического и капиталистического строя и получившую свое всестороннее развитие только в условиях Советского государства, в социалистическом обществе. Это легко можно подтвердить и этнографическими материалами Рязанской области.

В курной избе, при свете лучины, рязанские женщины создавали прекрасные ткани, вышивки, кружева для украшения одежд*). Ткачество на рязанской территории известно со второго века до нашей эры (найлены отпечатки ткани, сделанной на дощечках. Этот прием тканья предшествовал тканью на станке с бердом и ничинками). С VII—VIII века уже известны (добытые при раскопках окских грунтовых могильников) ткани с сетчатым треплением, указывающие на существование берда и ничинок, а может быть и одного только берда. Вышивки и кружева появляются уже с XII—XIII веков.

Народная техника выработала массу швов (бранье, гладь, поддевчатый шов, роспись, спутанный шов, близкий к шитью мордвы, крест, полотнянки, перевить, меретка), богатое тканье на двух подножках, на четырех с узорами, выполняемые закладкой и браной техникой, освоила плетение кружев (простого, сколочного, сцепного). Сколок и сцепное кружево в быту деревни не употреблялось, а делалось для помещичьих усадеб, позже шло на рынок.

Орнаментика очень богатая. Преобладающий орнамент — геометрический. Название узоров: «челюки, репы, медведи, змеи», говорят о реалистических источниках творчества и о передаче их геометрическими формами, поскольку последние удобны для выполнения по переплетению ткани. Был животный и растительный орнамент (изображение львов, птиц, сиринов, деревьев и женских фигур), запечатлевший мифологические и сказочные образы.

В настоящее время образцы этого народного умения передавать в вышивке и кружевоплетении целые картины и сцены жизни мы видим и у современных мастериц. В областном краеведческом музее экспонируется кружевное панно «Ленин у шалаша во время ссылки», принадлежащее рязанской кружевнице Е. Грабовниковой. Это рукодельное произведение, выполненное в духе народных художественных традиций, несомненно является выдающимся.

На базе местной техники и местного орнамента в настоящее время в нашей области работает 27 артелей вышивальных (Борки, Плахино, Высокое, Заборье, Милославщина и др.). 9 кружевных (Борки, Михайлов, Желтухино, Пителино, Кадом и др.) и ткацких (Алексеевское с прилегающими селениями и Сапожок.)

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» устанавливает шесть форм «соединения промысла и земледелия», характеризующих в то же время переход от феодального хозяйства к капиталистическому:

«1). Патриархальное (натуральное) земледелие соединяется с домашними промыслами... и с барщинной работой на земледельца...

2). Патриархальное земледелие соединяется с промыслом в виде ремесла...

3). Патриархальное земледелие соединяется с мелким производством промышленных продуктов на рынок, т. е. товарным производством в промышленности...

4). Патриархальное земледелие соединяется с работой по найму в промышленности (а также и в земледелии)...

*) Описание тканей дается по материалам этнографа Н. И. Лебедевой, собранным ею для областного краеведческого музея.

5). Мелко - буржуазное (торговое) земледелие соединяется с мелко - буржуазными промыслами...

6). Наемная работа в земледелии соединяется с наемной работой в промышленности...» (Ленин, Сочинения, т. III, стр. 293—294).

Этот путь, указанный В. И. Лениным для перехода от феодализма к капитализму, прошло развитие мастерства рязанских мастериц по ткани, вышивке и кружевам.

В далеком прошлом преобладало домашнее производство, жители деревни ходили в домотканых одеждах, кое-где сохранившиеся в Рязанской губернии до самой Октябрьской революции. В эпоху феодального ремесла рукодельницы работали на барина, для его нужд, иногда на продажу. Сукна, полотна из помещичьих усадеб шли на рынок. Рязанские кружева в 18 веке пользовались огромным спросом за границей (крепостная фабрика в Мурмано). В эпоху капитализма ремесленники работали на фабриканта (ткачи) и скупщика (вязальщицы, вышивальщицы).

Ткацкие села являлись до октября 1917 года яркой иллюстрацией эпохи мануфактуры (ранняя пора капитализма), так ярко описанная в 1 томе «Капитала» Маркса: ручное, не механизированное производство, работа на дому, сырье берут у фабриканта, ему сдают продукцию, получая мизерную зарплату. Из таких ткацких мастерниц выросла капиталистическая фабрика, объединившая всех мастеров в одном помещении и частично механизировав производство.

Каков был заработок кружевниц? Кружевной кушак длиной в 4 м. 40 см. плелся три недели. Стоил он три рубля. Материала на него шло на 84 коп. Следовательно, за три недели кружевница (лучшая) зарабатывала 2 руб. 16 коп., т. е. 10 коп. в день. А кружевница создавала не просто кушак (одежду), но и произведение искусства.

В конце 19 века и в начале двадцатого века рязанское земство сделало попытку объединить вязальщиц и вышивальщиц в артели (Борки, Плахино, Высокое, Милославщина, Песочня), но эти артели, только немного облегчив снабжение женщин сырьем; были чужды вышивальщицам. Они даже нанесли вред. В их пору существования насаждался отрыв от местных узоров и самобытной техники, проникали шаблонные рисунки, что снижало ценность произведений местных мастериц.

Продукция ткацких, вышивальных, кружевных артелей в советское время вошла в обиход города (платья, ковры, дорожки, шторы, скатерти). Она на выставках за границей удаивалась первых мест. (Международные выставки в Париже 1937—1948 г.). Когда смотришь на продукцию наших мастериц, невольно вспоминаешь слова поэта А. Н. Некрасова:

«Народу русскому дороги не заказаны: пред ним широкий путь».

На территории Рязанской области после Октябрьской социалистической революции проведен был ряд этнографических исследований. Этнографом Н. И. Лебедевой был собран для областного краеведческого музея ценный материал по местной одежде, шитью, вышивкам, кружевам и промыслам населения. Этот материал помогает решить отдельные очень важные вопросы по истории материальной культуры русского народа, в частности выделить местные особенности (варианты) южно - русского и средне-русского жилищ (См. о границах распространения этих двух типов жилища на территории Рязанской области. См. карту в работе Н. П. Милонова «К изучению археологических памятников и истории сел и городов на тер-

ритории Рязанской области»). Особенно большие результаты получены этнографом Н. И. Лебедевой при изучении его одежды русского населения Рязанской области. При этом, как отмечено выше, исследователю удалось решить в ряде случаев и вопрос о происхождении отдельных элементов одежды, головного убора, вышивок, тканья и т. д.

Этнографами М. Д. Малининой, Н. И. Розовой велось изучение Мещеры, проф. Б. А. Куфтиным — касимовских татар. В целом же выработан метод применимый и для сбора и изучения материалов учителем и учащимся городских и сельских школ в их работе по изучению истории своего края.

В целях успешного собирания учащимися материала по этнографии в районах Рязанской области остановимся на характеристике самых основных особенностей в одежде, жилище, поселке двух групп русского населения — так называемых у этнографов южно-русской и средне-русской.

Данные этнографии XIX и начала XX века в отношении двух основных групп русского населения б. Рязанской губернии

В конце XIX и начале XX веков население Рязанской губернии по говорам делилось на две группы: южно-русскую и средне-русскую. Точную границу между этими группами провести трудно, но ориентировочно такой границей считалась река Пара, затем эта граница идет до Можар. Одни этнические элементы заходили севернее, другие—южнее.

Черты быта южно - русского населения

1. Большие разросшиеся села, близкие к казачьим станицам Дона, вытянувшиеся в одну улицу вдоль реки или большой дороги (Сурки, Требушки, Можары, Собчаково и др. Смотрите архивные топографические планы сел, деревень).

2. Разбросанность хозяйственных построек (см. рис.). Жилое помещение—изба в одной связи со скотным двором, против избы, на улице «выход» — кладовая для хранения платья, амбары, погреба, сарай для с. х. орудий, на огороде—риги. Хозяйственные постройки так нагромождались перед избами, что на улице буквально не могли раз'ехаться две телеги (по Паре) Кривель, Красный угол, Собчаково).

Другой вариант. На улице лишь амбар, а хозяйственные постройки вразброс по огородам (Телятники, Напольное и др.).

3. Название частей селения «Слобода».

Черты быта средне-русского населения

1. Мелкие села, разбросанные среди лесов и озер. (Севернее Клепиков — по озерам, Пружаны, Ершово. Смотрите архивные топографические планы сел и деревень, рис.)

2. Об'единение всех хозяйственных построек в хозяйственную единицу — двор в виде двухрядной связи или покособразной.

а) Изба, сени, клеть в одной связи, скотный двор, амбар — в другой, стоящей параллельно. Обе связи об'единяются воротами.

б) Двор представляет четырехугольник, в середине — открытый, все постройки размещены по трем сторонам, с четвертой—ворота на улицу.

3. Название частей селения улицами.

4. Название жилого помещения «хата».
5. Хата—низкая, с земляным полом, с четырехскатной крышей, стоящая параллельно улице (южные уезды к югу от Прони в чистом виде. Смешанный—от Рязани до Прони).
6. План хаты: печь в углу против двери, обращенная челом к двери или к окнам, выходящим на улицу, стол у двери.
- 1-й вариант: печь — челом к двери (во всех селах южнее Сараев и в Сараях).
- В смешанном виде со вторым вариантом в Данковом, Скопинском, Чернавском, Октябрьском, Троекуровском районах, а со средне-русскими планами в Сапожковском, Пронском, Семионовском, Рязанском районах. Первый вариант известен в Орловской, Воронежской, Тамбовской и Тульской областях.
- Второй вариант Тульская, Калужская, Брянская—до Десны.
7. Название угла, где помещается стол, — кутный, святой.
8. Место для спанья—помост от печи до стены, называется «поллом».
9. Характерно расширение жилого помещения путем пристройки второй избы по другую сторону от сени.
10. Название хозяйственных, кухонных принадлежностей: «рогач, чапля».
11. «Выходы»—землянки для хранения добра. Эти—ямы глубиной 1—2 арш. (7×4, 6×5) со срубом внутри, с двухскатной крышей. В старых формах яма была сведена сводом от сруба, в новых —на стропилах. Эта форма встречалась в Скопинском районе, к югу от Оки в Вакино, Федякино. — очень часто: в Семионовском, Данковском, Троекуровском, Чернавском, Раненбургском и др.
4. Название жилого помещения «изба».
5. Изба сравнительно высокая, с подполтицей (окна на 9 — 10 венце), с деревянным полом, с двухскатной крышей, стоящая перпендикулярно улице.
6. План избы: печь в углу у двери, обращенная челом к стене, находящейся против двери — г. Рязань по ее окраинам и к северу от Рязани, в смешанном виде доходит до Сараев по Паре и до Скопина. Этот план был широко распространен в Тульской области до Венева, в Калужской—до Перемышля, в Смоленской, Калининской, Московской областях и на севере—по путям московской колонизации.
7. Название угла, где помещается стол, — передний, красный.
8. Место для спанья—полати, помост под потолком от двери—между печью и стеной, обращенной к улице, кончик у двери, назетка у печи—помост (под ним ранее помещался теленок).
9. Расширение жилого помещения путем увеличения размеров жилища и, внутренней его дифференциации (пятистенка).
10. Название хозяйственных, кухонных принадлежностей: «ухват», «совородник».

Кое-где указанные землянки заходили к северу от Оки по Елатомскому району.

12. «Кровати» — летнее помещение для спанья. В землю вбиваются 4 кола, над ними помост 3-х 4 арш., на нем плетень — до 1½ арш. высотой с четырехскатной крышей (Самойловский и Семлюновский районы).

13. Плетень как изгородь: плетневые дворы. Граница — р. Пра — Тума (в 80 гг. 19 века).

14. Отсутствие бань.

15. Сушка хлеба на солнце.

16. Риги «на сохах» (южнее Прони), «с земли» — 4-х скатная крыша на земле.

17. Укладывание хлеба в крестцы.

12. Клетки на подклетах, двухэтажные постройки по другую сторону сеной — выжний этаж — погреб (без ямы), верхний — кладовая для одежды и утвари и летнее место для спанья. Преобладают за Окой (Солотча, Давыдово, Курша), но проходили далеко на юг. Были под Рязанью (Астромино), доходили до Прони (Старожилковский район).

14. Наличие бань, причем характерно положение печи чаще всего устьем к двери. Граница Ласково - Лопухи, по Паре шли повсеместно и по Верде на запад до Рановы, на юг и во всех селах.

15. Сушка хлеба в овинах.

16. Были овины (ямные и верховые).

17. Укладывание хлеба в бабки.

К отмеченным в таблице особенностям в типах поселков (сел., деревень) Рязанской области, фиксированным этнографами по их наблюдениям в конце XIX и начале XX века, надо еще добавить следующее. Изученный новый архивный документальный материал позволяет проследить исторический путь развития отдельных поселков в Рязанском крае.

Прежде всего, как видно из приложения к данной работе (см. «Списки круговых и радиальных планов»), значительное распространение в прошлом имел в различных уездах Рязанской губернии так называемый круговой план. Он выявляется на чертежах из фонда Рязанского архива бывшей канцелярии губернатора в виде старого плана построек, к которому добавляются новые планы, возникшие в период реформы 1861 года или же немного раньше, или же после нее. На наших выкопировках эти старые планы поселков отмечены особыми знаками (затушеванные квадратики).

Мы имеем в данном случае следующие три вида старого кругового плана рязанской деревни: первый, когда дома, усадьбы располагаются вокруг (по круговой часто замкнутой линии) какого либо центра-площади (беззастроенной), вокруг озера, пруда или же вокруг церкви (см. рис. № 1). Второй, когда круговой план является типичным для поселка-погоста и здесь в центре круга имеется не только церковь, но и лавки — торговые рядки, кузница, иногда общественные амбары, или хлебные магазины (рис. № 7). Известен круговой — погостного типа план села Егсрьевского уезда, на котором внутри круга, занятого домами, отмечено 22 лавки, расположенные в один ряд. (Рис. № 7).

Третий вид кругового плана в наших рисунках относится к двум селам — к Остро-Пластикову (Даниловского района) и к селу

Свинчус (Касимовского уезда). В обоих случаях части поселков представляют замкнутый, неправильной формы квадрат, по линиям которого расположены дома, усадьбы, а в центре четырехугольника из кругового плана возникал радиальный (рис. 2).

В основе всех трех видов кругового плана лежит план древне-славянский, встречающийся как у восточных русских славян, так и у полабских славян. Этот план известен еще и в трипольской культуре, отсюда, вероятно, он и ведет свое происхождение. Данный факт говорит об автохтонности предков русского народа — славян, материальная культура которых связана с древнейшей трипольской культурой. Во многих случаях в связи с ростом производительных сил и социально-экономическими изменениями в жизни древнерусской деревни в эпоху позднего феодализма и при капитализме из кругового плана возникал радиальный план (рис. 3).

Близок к радиальному плану «гнездовый план». Этот план (см. рис. 4) отражает как бы беспорядочное сосредоточие домов и усадеб. Рассматривая остав населения усадьбы, которые размещены «гнездами», мы видим различные категории крестьян, а именно: крепостных, временно обещанных, государственных. Иногда отдельные участки земельной площади заняты или помещиками или различными представителями сельской буржуазии (купчая земля, владение губернского секретаря; земля купца, церковная земля и т. д. (см. рис. 3, 5; 6).

Таким образом, развитие плана поселка от кругового до радиально-гнездового идет параллельно процессу разслоения деревни, возникновению на селе буржуазии, проникновению в него пришлых элементов из города. Достаточно сказать, что в селе Дубровичах Солотчинского района на плане строго радиальном, (см. рис. 3) веером от центральной площади идут владения и полевые земли, принадлежащие 19 землевладельцам (рис. 3). Вследствие этого участки крестьян вытянуты узкой длинной полосой, протянувшейся на 7—9 верст. Кстати сказать, и главные уголья этого села — заливные овские луга — полностью захвачены землевладельцами, захватившими свои участки луга пряслами.

Рассмотренные радиальные и гнездовые планы, оформлявшиеся особенно в большом количестве после реформы 1861 года, являются такими архивными документами, которые еще раз подтверждают высказанную В. И. Лениным мысль о том, «что крестьян освободили и от крепостного права и от земли». По архивным планам многих сел южных районов Рязанской губернии прослеживается процесс деградации так называемых однодворцев, нередко превращавшихся в государственных крестьян (см. план по рис. 6).

Необходимо уделить особое внимание различным типам поселков в южных и северных уездах быв. Рязанской губернии, представляющие большой интерес для этнографа, археолога. На севере области встречаются села, в которых дома, расположенные в правильные ряды, имеют усадебные хозяйственные постройки (амбары, сарай, риги) впереди, ближе к берегу реки (см. рис. 6). На юге же чаще всего встречаются поселки типа станиц, в которых усадьбы с гумнами расположены позади домов (см. рис. 2).

Встречались планы, по которым видно, что дома расположены по линиям квадрата, а риги, овины отнесены на 1—1½ км. от домов и сосредоточены в одном месте (см. рис. 2).

Для археолога многие планы могут служить замечательными документами, на основе которых он может научно поставить методу полевого обследования селищ. Как уже отмечено во всех

планах, изученных нами (более 1500), можно выделить первоначальный ранний поселок, с которого началось развитие данной деревни, данного села. Пользуясь письменными источниками (писцовыми книгами, жалованными, духовными грамотами, а иногда летописями) по данному селу, руководствуясь еще и старым планом, археолог может точно установить местонахождение раннего поселения, из которого развилось, выросло позднейшее село (см. рис. 1).

Это обстоятельство необходимо учесть историку-краеведу при проведении им туристических походов и экскурсий.

Значительная часть топографических планов деревень и сел отражает тесную связь поселка с рельефом местности. Выявлены поселки—небольшие по размерам, расположенные по краю старого оврага, огораживающего своими ответвлениями всю территорию раннего поселка или более позднего починка (см. рис. 1, 4). Топонимика и в этом случае помогает иногда установить изменения, происходившие в развитии того или иного поселка. В письменных документах встречаются различные названия, определяющие характер поселка (село, деревня, пустырь, починок и т. д.). Изменения в жизни поселка, фиксированные в топонимике его, могут подсказать исследователю—насколько стар этот поселок.

Составлены планы и больших сел, расположение которых с самого начала и до более позднего времени тяготело к рельефу местности: берегу оврага, реки, озера и т. д. В этом случае, используя данные топонимики в письменных источниках, данные топографии и всех частей поселка, исследователь может на месте выяснить последовательность роста этого села, отметить участок, заселенный раньше всего и последующее, постепенное разрастание его.

Данные о естественных богатствах, о социально-экономических условиях в жизни того или иного поселка, почерпнутые из архивных документов и из беседы с населением, помогут определить связь хозяйства, промыслов, занятий жителей этого села в прошлом с окружающими естественно-географическими условиями.

О Д Е Ж Д А

Южно - великорусский комплекс

1. Туникообразные одежды: мужские рубашки, нагрудники (шुшки) белые шерстяные—(Скопинский, Чернавский районы); желтики; желтые шерстяные—Высокое, Плахино, Полотняные. Фартуки—занавески, надеваемые через голову, кодманы, черные шерстяные плащи покроя рубашки без разреза для головы и с несшитыми рукавами (Скопинский и Чернавский районы) уже существуют в X—XI веках, общие с мордвой и финнами Поволжья. Их вариант—нагрудники клинастые. Распространены в Касимовском, Спасском, Клепиковском, Чучковском, Ерактурском, Елатомском районах. черные шерстяные—у данковских однодворцев.

2. Понева—набедренная одежда замужней женщины (термин известен в XI веке): а) Тканная на двух подножках, синяя клетчатая—преобладающая в области, доходит до реки Пры, а также встречается в Дмитриеве и Ныркове Касимовского района. б) Тканная на двух подножках—шашечная (Ольгино, Бусаево). в) Тканная на двух подножках, черная гофрированная (Пелушево, Чучково). г) Тканная на двух подножках с портяной основой, красная с синими горизонтальными полосами, без прощвы, «разнополка»—старый

тип (Мелехово, Инякино, Увез, Шостье, Толстое, Лубонос, Ерахтурского и Чучковского районов). д) Тяжелые поневы, тканые на четырех подножках. Узоры с «челноками» (Курша), с «жмеями» (Парахино), дающие прекрасное произведение искусства. Известны пока только на Рязанской территории.

3. Рогатые головные уборы. Состоят из твердой основы—кички, сороки—кумачевого чехла, богато вышитого, бисерного назатыльника, пушковых в ушах, полотенца или платка сверху. Долгое время сохранялись в Захаровском районе (Плахино, Высокое), в Скопинском районе (Секирино), Сапожковском районе—пригородные слободы.

Они свойственны всем южновеликоруссам Тульской, Орловской, Брянской, Воронежской, Тамбовской областей, а также мордве. Встречаются в финских могильниках, были известны скифам (каменные бабы, роспись сосудов). Некоторые исследователи считают их предметом замужней женщины.

4. Бисерные украшения. Цепочки, нагрудники, носники широко распространены с XII—XIII веков. Известны у болгар, у финнов Поволжья и у турецких народов.

5. Лапти.—существуют на нашей территории с каменного века (ночатыки—каменные говорят о их существовании). Известны летописцам в XI веке два основных типа: а) головка трапецевидная, петли для продергивания оборок. б) Головка круглая, сборки проходят через борта. Первый тип многие исследователи часто называют «мордовским», второй «московским». Границы распространения—р. Пра и р. Ранова. К северу и востоку от этих рек (мордовский тип). Солодча, Борисково, Деулино—смешанные типы.

6. Черные повилы—онучи для обертывания икр, когда ходят босиком (Курша, Мелехово, пригородные слободы Сапожковского, Скопинского районов). Обычай, известный у марийцев.

7. Рубашка с косыми полочками—косыми вставками в плечах. Известны в Касимовском районе, Ерахтурском, Чучковском, Сапожковском, Пронском, Старожилковском, Семионовском. Общие с Брянским. Известны уже с XVI века.

Наиболее полные комплексы южно - великорусского костюма до 1918 года бытовали в Захаровском районе (Плахино, Высокое и др.), известные под названием «Богословщина», в Чернавском, Скопинском районах и на реке Курше—Мелехово.

Элементы средне-великорусского костюма

1. Косоклинные сарафаны (термин «сарафан» известен с XIV века). Старая форма «сукня»—шитый из черной дмотканной ткани, более поздние шились из синей китайки с лентами спереди, сверху донизу, и металлическими пуговицами, на которые застегивались. Есть села, где предшествующей сарафану одежды не помнят (Ижевское, Тырново, Акулово), в других он заменил поневу (Увез, Лубонос, Инякино, м. Сапожок, Коровка).

2. Рубашка с прямыми полочками, пришитыми по основе, или с рукавами и бочками кроенными (Елатомский, Касимовский районы), известны в Московской и Новгородской областях.

3. Лапти, плетеные из бересты в виде туфель, встречающиеся в Касимовском, Шиловском, Сапожковском районах вместе с мордовским типом лаптей.

Если средне-великорусский тип жилища четко выражен на на

шей территории, то средне-великорусский тип одежды проходит гораздо слабей.

Конец XIX века с развитием фабричного производства внес в костюм лямочные сарафаны, ситцевые кофты, юбки. Но Рязанская губерния, экономически бедная и культурно отсталая, в большей своей части все еще сохраняла домотканый костюм. Этот домотканый самодельный костюм как пережиток, «живая археология», давал живую иллюстрацию отдаленного прошлого.

На основе использования различных исторических источников при их взаимодействии и взаимопроверке дальше дается описание истории города Пронска, в изучении которого принимали участие много лет подряд учащиеся старших классов Пронской средней школы.

О ПРОНСКЕ, КАК ОДНОМ ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ГОРОДОВ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

(На основе данных археологии, топонимики и письменных источников)

Пронск по своему экономическому, военно-стратегическому и культурному значению являлся вторым, после Рязани, выдающимся городом Рязанского княжества.¹⁾

Историю Пронска мы рассматриваем в связи с историей Рязанского княжества и его главного города—Рязани, с одной стороны, и Московского государства, с другой.

Пронск истари являлся «младшим братом Рязани», будучи еще центром отдельного Пронского княжества. Возникновение его отнесится приблизительно к 1095—1096 гг.²⁾

Название Пронск и другие его названия—Пронеск и Прынск появились, повидимому, в XI веке у славянского племени —вятичей. Это название дано городу от реки Прони, на левом берегу которой и поставлен был город-крепость. Самое же название Прони принесено было из древней Черниговской земли, с территории Украины, где и теперь есть р. Проня, приток реки Сож (Сож—левый приток Днепра).

На территории древней рязанской земли немало названий рек, городов, урочищ, принесенных с юга, например, Трубеж, Лыбедь. Переяславль, Ольгов и так далее. Связь с югом была очень прочной и постоянной, что отражается не только в сходстве названий, но и в близости многих элементов материальной культуры—общеславянской, связывающей в одно целое не только восточно-славянские племена, но и племена западных и южно-европейских славян.³⁾

Пронск в первый раз упоминается в летописи под 1146 годом, о пронских же князьях в летописи говорится раньше, под 1131 годом. В 1131 году, как отмечается в Воскресенской летописи, пронские князья вместе с рязанскими и муромскими разгромили по-

¹⁾ Полное собрание русских летописей, изд. Археограф. Ком. том VIII—Воскресенский список (см. об исторических событиях под 1161, 1237—38 гг.; том I—под годами 1371, 1537 и др. Писцовые книги Рязанского края XVI века, том I, Рязань, 1898 г. стр. 255—262.

²⁾ Карамзин, глава I, стр. 26 и 30, см. еще Родословную таблицу князей.

³⁾ М. Н. Тихомиров. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время. Историч. журнал 1491 г. №№ 10—11

ловцев у южных границ Рязанского княжества. Но нередко поло-
вцы доходили до Прони. В связи с этим надо отметить урочище
около Пронска на правом берегу Прони—«Половецкое поле». Поэ-
тому, как отмечено выше, историк Рязанского княжества Д. И.
Иловайский считал возможным дату основания города Пронска от-
нести к концу XI века. По его мнению Пронск, как город, поя-
вился вслед за городом Переяславлем Рязанским (современной
Рязанью) примерно после 1096 года...

О раннем возникновении этого города свидетельствуют резуль-
таты археологических исследований, проведенных мною в 1929—
1930 годах в районе г. Пронска.

Так, в нижних слоях на Покровском бугре, обнаружены памят-
ники раннего железного века, т. е. времени, когда впервые стала
применяться обработка железа. Этот археологический материал
дает возможность проследить рост местных производительных сил.

Нельзя не обратить внимания на топонимику в районе самого
Пронска и на территории, издавна тяготевшей к Пронску. Это топо-
нимика свидетельствует о естественных богатствах Пронского кня-
жества, которые имели большое значение в развитии хозяйства.
Название целого ряда рек, входящих в бассейн Прони связано с
наличием железной руды. Дунни Ржавец—приток р. Итраки, впа-
дающей в Пронию; р. Ржавец—приток Керди—Прони; р. Ржавец—
приток Рановы-Прони, р. Ржавец—приток Хупты-Прони и др.
Не случайны многочисленные находки руд, шлаков и железных
изделий на месте жилищ XII века, обнаруженных при раскопках в
Пронском кремле. Здесь были находимы и железорудные крицы, а
на территории древнерусского селища—на горе Гиевне у Пронска
—обнаружены литейные формы для отливки украшений.

В бассейне рек, впадающих в Пронию, развита была в XVII, а
особенно в XVIII—XIX веках металлургическая промышленность,
питающая местной рудой (Истинский завод, Столпянская и Ко-
ленцевская ильинские фабрики и др.).

Район близ Пронска и левый берег Прони богат известняками,
жерновым камнем и песчаниками. У села Жерновищи, входившего
в состав поселков Пронского края, издавна добывался жерновой
камень. Южная часть Пронского княжества, как можно судить по
топонимике урочищ в районе т. н. «Дикого поля», была богата
различными естественными ресурсами (см. выписка из межевых
и др. книг, характеризующие процесс освоения «дикого поля» в
XVI—XVII веках).

Здесь на степных землях, славившихся своим черноземом,
встречались участки лиственных лесов (бук, береза, липа, дуб, вяз
и др.) (см. те же выписки). Очень часты деревни, озера, урочи-
ща, именуемые Лебяжья или Лебединое. Это свидетельствует так-
же о богатстве края, где много было зверя, птицы.

При Иване III Васильевиче в 1476 году посол венецианский
Контарини писал о Рязанской земле как о «лесном, малонаселе-
нном, но обильном хлебом и медом крае» и «совершенно безопас-
ном для путешественников».

Рязанская земля истари служила отличным торговым путем,
по которому возили меха, мед, воск вверх и вниз по Волге.

1) Д. Иловайский, История Рязанского княжества, гл. III, стр.
65, гл. II, стр. 24.

В Оке водилось много рыбы: белуга, стерлядь, севрюга, осетр, белорыбница. В густых лесах по Оке—белки, горностаи, куницы, а в верховьях Дона—kozy, лоси, волки, лисы, бобры.

Самым распространенным промыслом на рязанской земле были бобровые угодья. Они встречались по рекам Оке, Проне и на Дону.

Мед славился мастерами Кадомский; его, вероятно, рано начали вывозить из Кадома по р. Мокше, на которой стоит город. Кадом существовал уже в 1209 году и принадлежал к рязанской земле.

О вывозе мехов из земли мордовской говорят арабские писатели. 1)

Берега рек Оки, Прони и Осетра, которые имели большое значение для транзита товаров, явились самыми густонаселенными районами Рязанского княжества.

В известных записках о своем путешествии в Царьград через Рязанско-Пронские земли митрополит Пимен сообщает, что за Кир-Михайловым на р. Проне и за Дубками на Дону там, где прежде были красивые и цветущие города, теперь только пустыня и безлюдные места. Нигде не видно человека, только дикие животные, козы, лоси, лисицы, выдры, медведи, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и проч. во множестве встречаются в этой пустыне. 1) Это сообщение ценно тем, что в нем наблюдатель отмечает, с одной стороны, исчезновение многих городов, очевидно, в результате татарского погрома 1237 года, а, с другой—то, что южная часть Рязанского княжества богата зверем и птицей.

Географическое положение, природные богатства, труд населения обусловили рост экономики и культуры древнейших главных городов Рязанского княжества.

Все эти богатства в известной мере осваивались населением. На этой базе и развивается Пронское княжество.

Город формировался и вырос в гнезде густо окружавших его древних поселений, явившихся, безусловно, прочной базой для интенсивного развития города, в XI—XII веках нашей эры. 2)

Пронск воспринял культуру этих поселков, относящихся к более ранним этапам истории человеческого общества.

До Октябрьской социалистической революции археологических раскопок Пронского городища не производилось. Все сводилось здесь к поискам различных древних вещей и к антикварному собиранию их местными любителями древности. Начиная с 1929 года, на территории Пронского кремля и древних посадок его проводились планомерные раскопки. С 1929 по 1933 год раскопками вскрыта была значительная площадь на так называемом Покровском бугре, где был расположен кремль.

Полевые исследования позволили выяснить топографию древнего города, изучить его укрепления, а также определить планировку улиц, жилищ и собрать значительный вещественный материал 3).

Пронский кремль расположен на очень высоком мысе, называемом у местных жителей Покровским бугром. С южной стороны, у подошвы террасообразного мыса, Пронск огибается красивой лукой р. Проня, с восточной стороны течением реки Пралии, а с севера

1) Иловайск. История Рязанского княжества. Гл. III, стр. 129.

2) Советская археология. Журн. Ин-та ист. мат. культуры АН СССР, № 5, ст. А. А. Мансурова.

3) Н. П. Милонов. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань. 1931 г.

мыс круто обрывается над заболоченным оврагом. С западной стороны расположены были два вала и два рва. Внешний ров отделял мыс от поля. Рвы разрезали мыс, на всю их глубину до уровня течения реки и еще сейчас видны следы одного внутреннего рва. Края рвов и внешние скаты валов были выстелены большими песчаниковыми плитами. В отдельных пунктах верхней части внешнего рва до сих пор лежат крупные валуны. Народное предание связывает с этими валунами защиту Пронска от полчищ Батая: будто бы эти камни скатывались защитниками города на осаждавших его врагов. При раскопках выяснено, что края мыса со всех сторон имели искусственную земляную насыпь, на которой стояли деревянные стены и башни древнего кремля.

На левом берегу р. Пралии, при впадении ее в Проню, с юго-восточной стороны от Пронска, находится другой холм, называемый горой Гневной. По народному преданию, один из пронских князей, разгневавшийся на жителей, изолировался и временно поселился на этой горе. На Гневной, как доказано археологическими раскопками, существовали древние поселения еще до нашей эры, и от первых веков нашей эры до XIV века включительно.

При раскопках здесь обнаружены следы медно - литейного производства, гончарства. В частности, найдены были каменные литейные формы, в которых отливались медные украшения, аналогичные таким же, какие известны были в Киевской древней области. Вскрыты были на гневненском холме и остатки погребений XIII века. При раскопках на горе Гневной в 1947 году открыт был большой участок территории, где захоронены проняне, погибшие в борьбе с монголо - татарским нашествием, во время защиты Пронска. Этот факт говорит о том, что русский народ не склонял головы перед завоевателями, а защищал свою землю, боролся за независимость своей Родины.

На территории Старой Рязани в 1948 году также обнаружены могильники, где похоронены рязанцы, погибшие в борьбе за свой город.

С северной стороны Пронского кремля на расстоянии 250 метров имеется холм — Вуколов, где мною были обнаружены следы, пожалуй, одной из наиболее древней здесь культуры, относящейся к двум — двум с половиною тысячам лет спустя (эпоха бронзы и начала раннего железного века).

За горой Гневной на расстоянии 280 метров в юго-западном направлении расположено около пятидесяти славянских курганов.¹⁾

Они были раскопаны в конце XIX века рязанскими исследователями А. И. Черепниним и И. И. Проходцовым: При раскопках этих курганов было найдено большое количество медных украшений, хрустальных бус, глиняных сосудов. Кроме того, обнаружены остатки льняной и шерстяной одежды, кожаная обувь, предметы вооружения, земледельческого орудия. Все это относится к XI—XII векам и принадлежало, очевидно, славянам — вятичам, основавшим город Пронск.

На западных склонах Покровского бугра по направлению течения р. Прони располагалась вторая крепость — острог, ограждавшийся

1) А. И. Черепнин. Дневник раскопок пронских курганов. Труды Рязан. Учен. Арх. Ком., том XIII, в 1 за 1898 г., г. Рязань, 1898 г., стр. 56—76.

твом близ самой реки.*) Древний острог включал в систему своих укреплений пригородные поселки (селища), существовавшие здесь еще до возникновения самого города.

Топографически выгодное положение Пронска на холме, высотой до 100 метров, двойная линия укреплений, широкое русло реки Прони с юга, речка Пралля — с востока, два глубоких рва до 15 метров глубины с запада и отвесный скат к северу — делали Пронск в XI—XII веках почти неприступной крепостью.

В этот период до монголо-татарского нашествия Пронск достигает наивысшего расцвета; идет довольно интенсивное развитие ремесел, торговли и культуры.

Сооружения укреплений, планировка улиц Пронска говорит о том, что во все это затрачивалось не только много труда, но и огромная народная предприимчивость и находчивость (сооружали город пронские ремесленники и окрестные сельские жители).

Особый интерес представляет планировка улиц (XII век) в древнем пронском кремле. Все открытые при раскопках улицы оказались радиально расположенными в направлении от центра к краям. Подобное расположение улиц обеспечивало быстрый и беспрепятственный доступ населения города и его защитников к крепостным стенам и башням в момент военной тревоги. Данным фактом подчеркивается военно-оборонительное значение древнего города, которое он имел в XII веке. В основе расположения улиц древнего Пронска лежит круговой план — характерный для восточных русских славян¹⁾.

Круговое расположение домов нам удалось обнаружить во многих селах и деревнях Пронского, Скопинского и других районов Рязанской области (см. данные из архивов о планировке поселков), (Рис. № 1, 7).

Город участвует в борьбе с кочевниками - половцами, в развитии колонизации по берегам Прони и в верховьях Дона. Справедливо, что некоторые историки называли Пронск столицей и крепостью «Придонской Украины» всего Рязанского княжества. Южная, степная часть территории Рязанского княжества постепенно осваивалась, закреплялась и защищалась через Пронск. Там возникли многочисленные городки и городища (укрепленные пункты). К таким принадлежал г. Дубок и основанный пронским князем Кир-Михайлом город его имени, нынешний Михайлов, Ижеславль, Пюст-Толпино и др. О возникновении этих городков говорит летопись под 1207 годом: «Сам Всеволод (вел. князь) пошел к Рязаню от Пронска посадников посадил по всем городам их».²⁾ Кроме того по левому и правому берегам Прони были расположены многочисленные селища, материальная культура их оказалась на разных стадиях развития очень близкой к культуре Пронска.

В Пронском кремле при раскопках в 1930 году на месте отдельных жилищ были найдены цинковые и оловянные пластины³⁾.

*) До сих пор сохранилось в районе Пронска название «Затинная слобода».

1) Нилоновская летопись II под 1146 годом.

2) Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества гл. II, стр. 53.

3) Н. П. Милонов. Материалы археологического обследования берегов р. Прони, Верды и Ганины, изд. Ряз. О-ва Краевед.

Наличие следов деревенского ремесла на территории отдельных пронских селищ (металлургическое, керамическое), позволяет говорить, во-первых, о связи (производственной, экономической) древнепронской деревни и самого города Пронска и, во-вторых, об одной и той же местной сырьевой базе для городского и деревенского ремесла (глины, известняк—для литейных форм; железная руда).

На этой материальной базе городского и сельского производства, на связи города с его деревенской округой, на «внеэкономическом принуждении» сельского населения феодалами складывается постепенно древняя оборонительная линия на территории Пронского края.*)

Борьба с внешними врагами, нападавшими на территорию Рязанского княжества, стала успешной только тогда, когда возникли и развились все отмеченные городища, т. е. многочисленные укрепления, и когда была налажена тесная связь их с Пронском. Вторжения половцев быстро предупреждались объединенными выступлениями в военный поход княжеских дружин. В летописях отмечены частые походы рязанских, пронских, а иногда и муромских князей против половцев. Так, в 1131 году, как говорит Воскресенская летопись, князья рязанские, пронские и муромские много половцев разбили. Возможно, что именно в период борьбы с половцами в южной части Рязанского княжества и возникли так называемые сторожевые курганы, у которых стояли дозоры или сторожа, сообщавшие особыми сигналами (разведением костров) о приближении половцев. Благодаря этому быстро организовался поход княжеских дружин на кочевников.

Таким образом, территория Пронского княжества являлась ареной борьбы с половцами. К этим ранним оборонительным пунктам, организованным рязанскими и пронскими князьями, еще до нашествия монголо-татар, относятся—Елец, Остер на р. Остере, Лабнынь, Неринск (на Ранове), Ростиславль.¹⁾ Половцы сдерживались от более глубокого вторжения на территорию Рязанского княжества, а река Проня служила крайней границей половецких набегов; города же Пронска половцам ни разу не удавалось взять, и, повидимому, он являлся для них недоступной крепостью. Этот факт имел решающее значение и в росте самого города.

После ухода половцев из южно-русских степей (из Придонья), в XIII веке на Руси появились новые, еще более сильные и страшные враги—монголо-татары. Борьбу с ними отдельные русские князья начали еще в битве на реке Калке в 1224 году. В этой битве, как известно, отдельные русские князья с дружинами были разбиты татарами. То, что немногие русские князья пришли на р. Калку и действовали там несогласованно, объясняется существовавшим в то время на Руси порядком феодальной раздробленности.

Через 13 лет после битвы на Калке и трагической судьбы русских князей, участвовавших в этом походе, монголо-татары начали разорять из всех русских земель первым Рязанское княжество.

*) С 1585 года Пронск окончательно вошел в состав оборонительных пограничных укреплений (засечная черта). (Рязанские достопамятности Иеронима — сводная летопись).

1) А. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. Москва, 1916 г. стр. 3.

Рязанские князья Юрий Игоревич и его брат Олег, а также муромские и пронские князья выступили против татар на реке Вожоне. «Рязанские, муромские и пронские князья выступили против безбожных и вступили с ними в бой и была сеча... князья бежали каждый в свой город,, татары, рассеревев, начали больше воевать Рязанскую землю».¹⁾

Пронск подвергся нападению со стороны татар еще раньше, чем столица Рязанского княжества — город Рязань. Возможно, что Батый пошел на Пронск раньше, чем на Рязань потому, что территория Пронского княжества являлась открытой степью, удобной для движения конного войска и обозов монголо-татар. Кроме того, Пронская территория была богата хлебом. Население героически защищалось, и летописи отмечают князя Олега Красного (брата князя Юрия рязанского) как самоотверженного защитника города Пронска во время этого нашествия Батыя в 1237 году.

Пронск был сожжен. Следы этого пожара сохранились в почве Пронского кремля. При раскопках на глубине 4 метров был открыт так называемый «Батыев слой» — это слой пепелищ. Он содержит наряду с человеческими обугленными костями и оружие — русское и татарское. Найдены, например, наконечники татарских стрел, татарская медная булава и др.

Мы уже раньше отметили, что на горе Гневной в Пронске обнаружены могильники, где были похоронены погибшие защитники Пронска при осаде его Батыем. Такие же могильники открыты и в других пунктах в районе Пронска.

В Вожской битве в 1378 году²⁾ при разгроме татарского князя — мурзы Бегича близ села Ходынино участвовал князь Данило, являющийся талантливым полководцем. Во время битвы на р. Воже Даниил командовал правым флангом русских войск, состоявших из рязанцев.

Значение Пронского княжества необходимо отметить и во время битвы великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского на Куликовом поле против Мамая.

Обращаясь к топонимике сел и деревень на территории от Пронска к Дону, мы видим, что многие из сел сохранили название от XII—XIV веков до настоящего времени, и каждое такое название в народном предании связано с Куликовской битвой. Около города Скопина село Вослебово носит имя богатыря Осляби, взятого Дмитрием Донским на борьбу с татарами. Село Дмитриевское носит имя великого князя Дмитрия Донского. Секирино получило название от сечи — битвы, происходившей здесь. В селе Чернава на речке Черной ныне районном центре Рязанской области происходило военное совещание Дмитрия Донского с воеводами и решался вопрос о переходе всего войска через Дон. Село Побединка названо в честь победы, одержанной русскими дружинами над татарами.

На территории Рязанской области, соприкасающейся с Куликовым полем, встречаются не менее пяти названий деревень «Куликовна».

В битве на Куликовом поле в 1320 году Дмитрий Донской опирается на вышеуказанные селения на юге Пронской земли, находящиеся ныне на территории Скопинского и Епифанского районов.

- 1) Никопольская летопись. Полное собрание русских летописей, том X.
- 2) Воскресенская летопись, т. VIII. Полн. собр. русских летописей (о битве на реке Воже см. стр. 32—33).

Семьдесят рязано-пронских воевод со своими войсками участвовали в Куликовской битве, а население Пронска принимало непосредственное участие в битве.¹⁾

В течение еще почти 100 лет после Куликовской битвы шла борьба с монголо-татарами, и в этой борьбе единой исторической судьбой были связаны отдельные территории русской земли. Много общего пережили, испытали вместе с Московским княжеством Пронское и Рязанское княжества. В течение более чем 200 лет рязанская земля являлась заслоном от татарских набегов для крепнущего Московского княжества, развивавшегося в русское национальное государство. Рязанская земля и Пронское княжество первыми принимали удары, очень часто подвергаясь опустошению.

Политика Пронска и всей территории Рязанского княжества в борьбе с татарами в конце XIV века и на протяжении XV века определялась тем, что эта область лежала на границе Московского государства и подвергалась частым нападениям татар, принимая их первые и основные удары.

К концу XIV века Рязанское княжество становится главной ареной борьбы с татарами. Принимаются оборонительные меры со стороны рязанских и пронских князей. Далеко от Рязани и Пронска на юг по Хопру, Вороне, Воронежу встречаются рязанские сторожевые посты. Поселения рязанцев доходят до устья р. Воронеж. В первой половине XV века становится заметной группа сторожевого люда, казаков, которыми в Рязани пользуются для охраны Украины.²⁾

Рязанский князь Олег Иванович, а потом и его преемники, стали придерживаться политики мирных и добрососедских отношений с Москвой и активно участвовать в ее борьбе с татарами. Все более крепнущая роль Москвы — собирателя русских земель в единое государство определила политику рязанских князей в сторону сближения с Москвой и активного их участия в борьбе с татарами, с литовскими князьями. В 1395—6 гг. Олег рязанский предпринял в союзе с пронскими князьями поход на Литву.

В частности в отношении Пронска известно, что по инициативе московского князя Дмитрия Ивановича еще до Куликовской битвы порвана была зависимость пронского князя Владимира от рязанского князя Олега, и пронский князь поставлен был в непосредственные взаимоотношения с московским великим князем.³⁾

В 1402 году московский князь Василий Дмитриевич, следуя политике своего отца, ставит пронского князя Ивана Владимировича в непосредственную зависимость от Москвы.

Следует отметить все более усиливающееся влияние Москвы как на внутренние дела этих двух княжеств, лежащих на ее северо-восточных и юго-восточных границах, так и на личные отношения между пронскими и рязанскими князьями. Московские князья обычно стремились примирить враждующих и подчинить их своему влиянию, своей опеке и своему руководству. Великий московский князь Василий Дмитриевич по поводу вражды пронского князя

1) Сказание о Мамаевском побоище, см. Хрестоматию по древне-русской литературе Буслаева; Полн. собр. русск. летописей, т. VIII, Воскресенская летопись, стр. 35—39;

2) Яковлев. Упомянутая работа, стр. 3.

3) Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Москва—Ленинград. А. Н. СССР, 1948, стр. 48.

Ивана Владимировича с рязанским Федором Олеговичем в грамоте своей писал о том, чтобы этих князей рассудили их бояре, если бояре не смогут их примирить, то он, великий князь, пошлет митрополита, если же и митрополит не примирит, то тогда он сам, великий князь Василий Дмитриевич, заставит их исправиться.¹⁾ Позднее, в 1408 году, при новой попытке к вражде рязанских и пронских князей, московский князь угрожает им военным походом.

В 1455 году рязанский князь Иван Федорович объединил в своих руках Старую Рязань, город Переяславль-Рязанский, город Ростиславль и город Пронск. Объединяя вокруг Рязани названные города, этот князь полностью примкнул к Москве и, умирая в 1456 году, отдал своего малолетнего сына Василия на руки великому князю Московскому Василию Темному.

При великом князе московском Иване III Рязанское княжество еще оставалось самостоятельным. Этот князь особым договором с рязанским князем определяет и размежевывает границы земель Рязанского и Московского княжеств (1483 год). При этом Елец и елецкие владения отходят от Москвы, а территория по реке Меч остается в совместном владении Москвы и Рязани. Москве стремилась обеспечить себе сообщение с донской пристанью—Дубком и по договору 1483 г. между Иваном III и рязанским князем граница Московского княжества шла от Оки к Осетру по реке Кудесне и на Дон.²⁾

Москва охватывает теперь Рязанское княжество с запада, севера и востока и распоряжается верхней Окой, Мещерским городком (Касимовым), Кадомом и Нижним Новгородом.³⁾

Объединение Московского княжества с Рязанским совершается в процессе возникновения и развития Московского национального государства. Рязанское княжество вместе с Пронским долго не теряет своей самостоятельности по сравнению с другими княжествами только потому, что оно при таком положении лучше стоит на страже границ Московского государства. Как отмечал еще историк Карамзин, до смерти Ивана III часть Рязанского княжества могла остаться независимой в лице Переяславля и Пронска (Карамзин, т. VI, гл. VII). Это объясняется тем, что татары, идя на Москву, редко, к концу XIV и в XV веке переступали Оку, и московские воеводы встречали их обычно на Рязанской земле. Примерами, подтверждающими это, является битва на реке Воже, а также разгром войска татарского князя Мустафы около Рязани рязанскими и московскими войсками князя Василия Темного.

В системе обороны и наступления на степь московское правительство имело такие средства, как сторожевую казачью службу, поселения служилого люда, укрепленные форты, выдвинутые в степь, засечную черту и течение Оки в тылу.⁴⁾

В связи с этим города бывшего Пронского княжества (Пронск, Рязань, Скопин, Данков, Саложок, Лебедянь, возникшие, главным образом, в XVI веке) имеют слободы, где живут военно-служилые люди, казаки. Об этом говорит нам топонимика пригородных слобод в этих городах (см. писцовые книги Рязанского края XVI—

1) Полное собрание русских летописей, том VII Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества.

2) А. Яковлев. Упомянутая работа, стр. 4.

3) там же, стр. 4.

4) там же, стр. 5.

XVII вв. изд. В. Н. Сторожевым, а также см: «Выписки из писцовых, межевых и др. книг», данные в приложениях).

В 1535 году, вследствие набегов татар на Московское государство, состоялось возобновление крепости в Пронске «на Старом городище». В 1541 году город-крепость Пронск отражал нападение Саип Гирея и мужественно защищался под начальством Василия Жулепина. 1)

В 1550 году крымские татары несколько раз нападали на Пронск и всякий раз вынуждены были поспешно уходить в степь, так как пронский воевода Бутурлин «бил их, как мух». 2)

Активная роль пронской и рязанской земли в защиту Московского национального государства проявляется не только в борьбе с монголо-татарами, но и в борьбе с другими соперниками Московского княжества, например, с литовскими князьями, в частности, с Витовтом. Так, в 1380 году на помощь московскому великому князю Дмитрию Ивановичу, воюющему против литовского князя, пронский князь Владимир Дмитриевич привел рязанскую рать.

В XVI—XVII веках Рязань и Пронск входят в систему обороны южных и юго-восточных границ Московского государства, защищая его от набегов крымских татар, ногайцев. Писцовые книги отмечают Пронск в XVII веке, как значительную крепость с большим гарнизоном войска и достаточным запасом зелья (пороха), ядер, пищалей (пушек).

В приправочных книгах города Пронска 1596—1598 годов отмечаются укрепления его. Названы следующие крепостные башни: Наугольная, Отводная, Тайниковая, под которой коледезь. Глухая и ворота - косые, водяные, малые и др. Перечислено «бойниц (окон) для боя—457, городен—181, пищалей медных и железных—9, пушек—4.

В городе же, в каменном погребе под церковью, хранилось более 37 пудов пороха (зелья), 25 пудов свинцу, 3440 ядер, распределено было по затынным укреплениям 67 пищалей, 8 пудов ядер железных, 6 пудов железа горелого, да 56 криц железа». К этому надо добавить, что крепостной ров имеет около пятнадцати метров глубины и длину 135—140 метров. К основным крепостным укреплениям Пронска примыкал острог с так называемой Затынной линией обороны. Город окружен был слободами — Стрелецкой, Кавачьей, Затынной.

По данным писцовых книг в Пронске кроме главной крепости кремля, был еще острог, т. е. второе укрепление... «От наугольной башни (у Стрелецкой слободы) до Стрелецких, Водяных ворот—110 сажен (220 м), от Водяных ворот до Затынных (тын—Н. М.) 240 сажен (480 м); на воротах—стрельня, а на ней—караул, от больших ворот до наугольной башни—100 сажен (200 м.), от наугольной (угловой) башни до горной — 90 сажен (180 м.), от горной башни до Никольских ворот—30 сажен (60 м.), а от Никольских ворот до Глухой башни 120 сажен (240 м), на воротах—башня; от Больших ворот до Глухой башни—110 сажен (222 м), от Глухой башни до Михайловских ворот 100 сажен (200 м.), от Архангельских ворот до Глухой башни 70 сажен (140 м.), от Глухой башни (не проезжей.—Н. М.) до ворот от р. Пральи—70 сажен (140 м.), от Пральских ворот до башни до городской стрельни — 130 сажен (260 м). За острогом ров, за рвом частич (частокол)—(тын—Н. М.), а позади частича—надолбы».

1) Карамзин, том VIII, глава II.

2) Чтения за 1849 год, стр. 19.

В Пронске по государевому указу велено быть 300 казакам, а земель «им дано 9000 четвертей, по 30 четвертей человеку». В рязанских городах вследствие их военного положения было большое разнообразие среди разных служилых людей. Здесь встречались стрельцы, пушкари, воротники, затинщики, казаки ямщики, казенные сторожа, рассыльщики. Они селились отдельными слободами, которые получили название, соответственно родам службы своих жителей.¹⁾

«В городе Пронске—дворы: двор государя, царя и великого князя Бориса Федоровича всея России житочной... двор архиепископа рязанского... да дворы дворян и детей боярских и пушкарей и воротников»...²⁾

К концу XVI века Пронск выглядел значительной крепостью и выполнял по указанию московского правительства серьезную военно-оборонительную службу.

В XVII же веке, как отмечено в одной из грамот, Пронск выполняет и ямскую службу для Московского государства.³⁾

В начале XVII века за Окой и на Оке, в направлении с юга к северу появляется значительное количество укрепленных пунктов, среди которых на территории Рязанского уезда того времени можно отметить следующие: Чернавск, Елеп, Данков, Темников, Шацк, Рязск, Михайлов, Епифань, Переяславль-Рязанский, Пронск, Коломна, Зарайск.⁴⁾

Но Московское правительство опиралось на служилый люд, не только в городах и городках, наделяя его за свою службу землей. Весь южный край в районе т. н. Дикой степи (все поздние уезды от Переяславля-Рязанского до Данковского, Лебедянского) становится базой для помещичьей колонизации. Это—был край, населенный по преимуществу мелкопоместными служилыми людьми.

В числе военно-служилых людей были и владельцы крупных поместий и вотчин, служащие «по выбору» и играющие видную роль в краю (Прокопий Ляпунов и др.). Очень интересный материал по землеванию служилых людей и в том числе крупных феодалов дает топонимика сел и деревень (см. данные топонимии в приложениях). Так, в состав помещиков Рязанского уезда после 1613 года вошли некоторые представители знатных аристократических фамилий (Волконские, Морозовы и др.).⁵⁾

Интерес к Пронску, как к объекту археологических исследований, проявлен был еще в 80-х годах прошлого столетия, когда случайно местный житель нашел здесь золотую гривку. находка эта приобретена была Рязанским музеем. Весьма возможно, что указанная гривка принадлежала кому-либо из знати древнего Пронска. К сожалению, до сих пор неизвестно, является ли эта гривка предметом местного производства. Новейшие археологические исследования по древне-русским городам в ряде мест доказали, что производство не только серебряных, но и золотых украшений, было местным. Так, при раскопках Гнездовского городища

1) М. Шиманский. Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII в., стр. 20.

2) Писцовые книги Рязанского края—XVI век. Под ред. В. Н. Сторожева, т. I, вып. первый. Рязань 1898 г., стр. 259—261, 257—259.

3) Сборник древних грамот, изд. Пискаревым в 1854.

4) А. Яковлев. Упомянутая работа, стр. 13, 51.

5) М. Шиманский. Упомянутая работа, стр. 39.

под смоленском¹⁾ обнаружено было погребение женщины, при которой найдено семь золотых подвесок с зернью и филигранью и серебряные пуговицы. Все эти предметы были изготовлены в начале X века гнездовско-смоленскими ювелирами. Вполне понятно поэтому, что в одном письменном памятнике второй половины X века, Русь ставится на второе место после Византии в ряду других европейских государств по изготовлению эмали и черни.²⁾

В Пронске, кроме указанной гривны, найден был еще клад из 18 серебряных слитков весом в 9 фунтов без 3 золотников. Слитки имели форму выпуклых пластинок, с обеих концов скошенных, длиною около 1 $\frac{1}{2}$, вершка каждая. Было найдено 7 слитков золота весом в 18 золотников. Слитки, повидимому, являлись древними гривнами—меновыми денежными единицами, известными в ряде крупных древне-русских городов—Новгороде (Великом), Киеве, Чернигове.³⁾

Находка этого клада, относящегося не позднее, чем к XII веку, подтверждает развитие торговли в Пронске и наличие богатой социальной верхушки, державшей в своих руках большие ценности. Возможно, что перечисленные золотые изделия были спрятаны в почву в момент нашествия на Пронск Батя (1237 г.). Так, в древней Руси прятали в почву ценныеклады, которые потом нередко были находимы в разных местах. Собрание подобных кладов дает нам яркое представление о развитии культуры и искусства древней Руси.

Археологическими исследованиями на территории древнего Пронска установлено, что значительная территория Кремля была занята жилищами и мастерскими ремесленников.

Остатки домов, дворных построек в усадьбах ремесленников представляют большой интерес не только для археологов, но и для этнографов. Их исследования дают большой материал для характеристики древне-русской материальной культуры.

Основным занятием населения Пронска в XI—XIII веках являлось ремесленное производство. Наиболее характерными ремеслами были: производство криц железно-рудных, ювелирное, медно-литейное и керамическое производство, плотницкое и столярное дело, кузнечное, производство замков и ключей, кожевенное и обувное производство и изготовление каменных литейных форм и т. д. К этому надо добавить многочисленные домашние занятия, как, например, обработка кости, изготовление рыболовных снастей, пряжание, резьба по дереву, плетение из льна и берести и т. д.⁴⁾

Ремесленное производство сосредоточено было в жилищах ремесленников и только отдельные виды его были связаны со специальными помещениями: производство криц с сыродутными горнами и изготовление железных изделий—с кузницами. Изготовление криц производилось в специально оборудованных горнах, сооруженных из

1) Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР, вып. 11, 1945 г., статья Н. П. Милонова и Н. В. Андреева.

2) Вестник Академии наук СССР, 1943 г. №№ 11—12, стр. 3. (статья анат. Б. Д. Грекова).

3) Яхонтов С. Д. Дело о старинном кладе, найденном в Пронске в 1872 году. Из дел Рязанского губернатора. История Архивной Комис. Труды Рязан. арх. конс. т. X, выпуск I, стр. 30—34. Рязань 1895 г.

4) Н. П. Милонов, Славянские жилища по данным раскопок пронского городища.

глины. Глинобитные стенки круглого горна стояли на каменном фундаменте. Размеры этих горнов невелики: диаметр равен 1 1/2 метрам. Крицы, найденные на месте развалин горнов, имеют овальную форму, вес каждой из них достигает 3—3 1/2 кг. Сыродутные горны так же, как и кузнницы, были расположены близ вала в северной стороне Пронского городища на значительном расстоянии от жилищ. В одном жилище найдены были продолговатые известковые плитки, представлявшие собою не что иное, как заготовки для литейных форм. Найдена была и одна каменная литейная форма, применявшаяся для отливки височных бронзовых колец с типичным нарезом под витые. Возможно, что указанные литейные формы изготовлялись городскими ремесленниками не только для города, но и для сельского населения.

Подробное рассмотрение литейной формы доказывает, что мастерами выработаны были точные приемы резьбы по камню и умение симметрично и красиво нанести на камне рисунок. Среди многочисленных вещей, найденных в раскопках Пронского городища, обращают на себя внимание такие предметы, как бронзовая шестигранная булава, две золотоордынские монеты Хана Джанибека, золотоордынская глазированная посуда и железные наконечники татарских стрел. Все эти предметы обнаружены в так называемом «Батиевом слое».

Нельзя не отметить находки двух арабских дирхемов X века. Многочисленные находки стеклянных цветных браслетов, типичны, как известно, для всех жилых слоев XII века в древнерусских городищах.¹⁾ Кроме названных браслетов показателем обмена и торговли могут служить встречающиеся при раскопках куски янтаря, янтарные бусы и нательные кресты, поливной сосуд из Херсонка.

О занятии населения земледелием свидетельствуют зерно ржи, пшеницы, проса, гороха, найденные в подпольях домов, а также и отдельные орудия—серпы, обломок лемеха сохи (рало), жернова.

Все вышеперечисленные находки далеко не исчерпывают всего богатства материальной культуры в период до несчастия Батия. Еще значительная площадь Пронского кремля не вскрыта раскопками, и не исключена возможность, что при дальнейшем исследовании будут обнаружены остатки построек, принадлежавших древне-пронским князьям и феодальной знати.

Исследованиями 1929—30 гг. среди многих жилищ обнаружено было одно, принадлежавшее, по видимому, кому-либо из верхушечных слоев древне-пронского населения. В этом жилище печь не глинобитная, а выложена из плитчатых кирпичей (пшифи). На полу жилища и около стен его найдены были части цинковых плиток, и сплавы олова. Возможно, что это следы крыши богатого дома. В инвентаре находок данного жилища найдены серебряные позолоченные подвески, гроздчатые серебряные позолоченные бусы, янтарный нательный крест, значительное количество наконечников железных стрел, сосуд амфорообразной формы.

Конструкция, внутренняя планировка, техника и строительный материал пронских жилищ являются характерными, для общеславянской народной архитектуры. С другой стороны они отражают местные условия, определившие особенности развития хозяйства, быта, культуры.

Каждое жилище представляло собой по форме вытянутый

¹⁾ Дмитровские городище (Кремль города Дмитрова) — статья Н. П. Милонова в журнале «Советская Археология» № 4, 1933 год.

четырёхугольником, включающий в себя правильный квадрат самого жилья, и прирезок в виде сеней. Каждая стена избы равна была 4 метрам. Длина сеней $3\frac{1}{2}$ метра, ширина $1\frac{1}{2}$ метра. Вход в сени обозначался с южной стороны, стены сеней составлены были из плотно придвинутых друг к другу и врытых в землю столбов. Эти столбы обмазывались глиною. Пол в избе—глинобитный, и только в одном из раскопанных жилищ он был сделан из песчаниковых плит. Под углами сруба жилища иногда лежали камни, но чаще всего встречались сваи. Задняя стена избы покоилась на сильно уплотненной и обожженной глинобитной площадке; посредине избы находилось небольшое подполье или яма для хранения продуктов и других домашних запасов.

Печь сооружалась, как правило, в юго-западном углу жилища налево от входа и устьем своим обращена была к входу. Для устойчивости ее вырывалась неглубокая яма, которая забутовывалась глиной. С краев печь закреплялась сваями, на которых находился деревянный помост, служивший опорой для глинобитной печи. Под печи выложен был обожженными камнями.

В больших по размерам и богатых по инвентарю жилищах обнаружена была другого типа печь. В этих случаях отсутствовал деревянный помост под печью; печь была выложена из плитчатых плинфообразных кирпичей. Затоп у такой печи шел из подтопной ямы, также облицованной кирпичами и сверху покрытой решетчатым потолком из плиток.

Очень тщательно сооружалось в каждом жилище подполье. От задней стены в виде овала вырывалась яма длиной в $2-2\frac{1}{2}$ метра, глубиной до $1\frac{1}{2}$ метра. Стенки ямы были облицованы обожженной глиной, пол в яме также глинобитный. У краев ямы врыты были толстые дубовые сваи, на которых лежал потолок подпола. В яму имелся спуск в виде лестницы. На дне подпола найдены были остатки деревянных кадок заполнявшихся просом; иногда пшеницей или рожью, а один раз обнаружена была кадка, в которой хранились лесные орехи. Внутри избы, с правой стороны от входа, обычно помещались глинобитный стол и около него глинобитные лавки.

Для пронских жилищ XI—XIII веков в целом можно установить следующие характерные особенности: 1) наличие столбово-срубовой конструкции, 2) устойчивый и определенный внутренний план: печь всегда в одном и том же углу, стол направо от входа, подполье — на середине избы, 3) небольшие дворы всегда отнесены далеко от жилищ, 4) всюду в жилых постройках глинобитный пол, 5) печь с каменным подом (типа каменки).¹⁾

Сочетание сруба со столбами под углами жилища, когда самые столбы поставлены в основании углов, ведет свое происхождение от древне-славянского жилища — землянки. В первобытных славянских жилищных ямах, по проф. Нидерле, также встречаются столбы, поставленные в углах квадратной ямы — землянки. При этом, самые стенки землянки часто не облицовывались срубом.²⁾ Очевидно, в данном случае столбы служили опорой крыши над землянкой. Вместе с тем проф. Нидерле отмечает и другой тип древне-славянского жилища, когда в ранних землянках стенки облицованы были срубом, верхняя часть которого выходит на поверхность над землянкой.³⁾

1) Упомянутая работа Н. П. Милонова о древне пронских жилищах.

2) Нидерле. Работа о славянских древностях (изд. на франц. яз.)

3) Нидерле — упомянутая работа.

Древне - пронское жилище было наземным и этим самым оно утратило древнейшую форму славянского жилища, сохранив только один его элемент — это столбы, применяемые в углах под срубом.

Общая планировка древне - пронского жилища по отношению к улицам и ко дворам имеет себе аналогию. Подобная планировка построек встречалась на территории БССР, УССР и нередко среди русских на Псковской и Новгородской территории, на верховьях Десны и Оки и в Брянском Полесье¹⁾. Все это дает право считать план древне - пронского жилища восточно - славянским, измененным в более позднее время на территории центральной области, в частности Московской области. Из описания профессора Нидерле видно, что план жилья, подобный прослеженному нами в Пронске, встречается, например, в славацком доме на Карпатах.³⁾

Печь древне - пронского жилища может быть названа печью банного типа. Она встречалась до позднего времени в банях, ригах и овинах, и, по устройству пода — «каменки», отличается от обычной русской хлебной печи. Подобная печь встречается в жилищах на территории БССР, изредка в центральных областях европейской части СССР. Очень сходной с описанной печью является печь в упочается, например, в славацком доме на Карпатах.²⁾

Глинобитный пол характерен для украинского жилища, реже наблюдается в Белоруссии, совсем редко встречается в центральных областях. Близкие аналогии глинобитных столов и лавок из древне - пронских жилищ имеются в УССР. В Харьковской области проф. Сумцовым зафиксированы случаи, когда земляные лавки облицовывались глиной.⁴⁾ Можно отметить наличие глинобитных сооружений еще и в жилищах среднеприднепровских городищ.⁵⁾ Наличие деревянных лавок на глинобитных столбах наблюдалось исследователем Волковым в Полтавщине.⁶⁾

Все перечисленные элементы древне - пронского жилища имели своей основой общую древне - славянскую материальную культуру жилища. Необходимо отметить, что еще за долго до XI века в древних дьяковских землянках встречались и каменные очаги, и глинобитные сооружения, и применение свай. Все это говорит об известном единстве материальной культуры восточного славянства и о близости его к культуре южных славян. Повидимому, указанное единство культуры восточных славян складывалось еще в период их борьбы с Византией.⁷⁾

Отсюда и может быть понятно и объяснено сходство отдельных элементов древне - пронского жилища с жилищами на Украине, в Белоруссии, у южных и, отчасти, у западных славян. Возможно, что из описанного типа древне - пронского жилища возник более поздний тип средне - великорусского жилища, граница распростра-

1) Н. И. Лебедева. Жилища и хозяйственные постройки БССР. Москва, 1929 г., Музей Народоведения.

2) Упомянутая работа Нидерле.

3) Упомянутая работа Нидерле.

4) Н. Ф. Сумцов: К истории хать-Киевская старина. Исторический журнал, год 8-й, том XXV, 1889 г., май и июнь, стр. 493—566.

5) Хвойко. Городища среднего Приднепровья. Труды XII археолог. съезда, том 1.

6) Волков. Украинский народ в его прошлом и настоящем.

7) А. Мишулин. Древние славяне и крушение восточно-римской империи. Исторический журнал, №№ 10—11, 1941 год, стр. 56—57.

нения которого хорошо очерчивается в Рязанской области (см. Н. П. Милонов. Об изучении археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949 г.)

Из поздних построек в Пронске сохранилась нижняя часть водочесного дома XVII века в виде каменного подклета.

В настоящем очерке по истории Пронска дан некоторый итог изучения археологических памятников (по фондам Рязанского областного краеведческого музея) и отдельных письменных источников, главным образом, летописей периода преимущественно с XII до XVII вв. Указанные источники дали возможность охарактеризовать отдельные моменты ранней истории города, охарактеризовать культурное наследие, созданное и оставленное нашими предками, а также и военную историю Рязанской земли. Эта работа по собиранию материалов о прошлом должна быть в дальнейшем углублена и расширена с тем, чтобы история многих других городов Рязанской области была также изучена и выявлены новые археологические памятники, которыми, безусловно, очень богата наша область. Изучение далекого и близкого прошлого своего края явится основой, на которой будет продолжено изучение и революционных событий, летописи Великой Октябрьской социалистической революции, истории гражданской войны, истории Великой Отечественной войны и великих сталинских пятилеток.

Такую большую работу могут осуществить коллективы местных культурных работников в районах: учителя, краеведы, музейные работники, городская и сельская интеллигенция. Начатая ранее краеведческая работа по истории должна быть систематически и планомерно продолжаться из года в год. Многие интересные, в историческом смысле слова, часто проходит незамеченным, а между тем при внимательном отношении к памятникам материальной культуры и народным преданиям, к ценным находкам, к старинным книгам и т. д. можно получить для исторической науки новый, ранее неизвестный материал.

Не один раз учащиеся школ находили монеты, монетные клады и другие археологические предметы на полях и огородах. Эти находки значительно пополняли фонды наших районных и областного краеведческого музеев. В оврагах села Польное-Ялтуново Конобе-вского района ученики 5—7 классов, вырубая хворост, натолкнулись на остатки костей мамонта. По следам этих находок была открыта палеолитическая стоянка человека. Недавно группа школьников села Почупово Рыбновского района, заинтересовавшись находками в ближней балке, обратилась в Рязанский музей с просьбой прислать специалиста и определить значение обнаруженных ею фосфоритов. Оказалось, что в указанной балке действительно имеются выходы каменноугольных и юрских отложений. Кроме того установлено наличие охры, болотной руды.

Учащиеся средней школы в Рыбном организовались для изучения территории знаменитой Вожской засеки, где происходила известная по летописям Вожская битва в 1378 году. На основе этих находок может быть организован краеведческий музей, соответствующий кабинет в школе и т. д.

Учителя истории вместе с учащимися могут проводить походы по собиранию у населения сведений об археологических памятниках, об исторических местах на территории своего края и совершать экскурсии к местам, где были древние поселки, городища, города, военные крепости, битвы, сражения, к пунктам; где ранее были старые заводы или какие-либо другие производственные сооружения.

ОБРАЗЦЫ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Приложение 1.

(Неопубликованные ранее документы)

Рязанский областной исторический архив.

- 1) О сельском хозяйстве и промышленности в Рязанской губ. за 1878 г.
- 2) О притеснении крестьян и о наблюдении за наказанием крепостных людей.
- 3) О состоянии Рязанской губ. за 1853 г.

Архив № 1, связка 73 1879 г.

Обзорная статья по сельскому хозяйству и промышленности за 1878 год.

Сбор хлебов в 1878 году составлял около 51/2 мил. четвертей, из коих 2.985.075 четвертей озимого и 2.405.330 четв. ярового. Сбор картофеля составил 1.207.133 четв.

Цены на рабочий труд следующие: работнику по сельскому хозяйству платилось от 40 до 125 руб., работнице от 18 до 50 р.

На всех фабриках и заводах употреблялось рабочих 11.868 человек.

По роду обрабатываемых продуктов фабрики и заводы Рязанской губернии делятся на 4 группы: 1) по обработке животных продуктов, 2) растительных, 3) ископаемых; 4) смешанные предприятия.

К первой группе принадлежат: 13 салотопенных заводов, 4 мыловаренных, 47 кожевенных, 2 паровых или пушных завода, 19 свечных, 12 мерлуничных и овчинных, 311 маслобойных и 1 сыроваренный.

Ко второй группе относятся: 47 фабрик бумагопрядильных, бумаготкацких и бумагокрасильных, 28 винокуренных заводов, 17 водочных, 8 пивоваренных, 12 крахмальных и палочных, 13 солодовенных, 13 суконных фабрик, 2 рогожных, 13 ватных, 65 спичечных, 1 бумажная фабрика, 2 завода, 2 табачных фабрики, 6 дегтярных заводов и 2 соломенных изделий.

К третьей группе принадлежат заводы: 7 гончарных, 156 кирпичных, 1 зеркальный, 15 чугуно-литейных, железо-лудильных и меднолитейных, 2 колокольных, 7 стеклянных, 1 железодетальный, 1 известно-обжигательный, алебастровый и цементный, 2 каменно-угольных копи.

Четвертую группу составляют: 1 фабрика для папирос, 1 завод лесопильный и 1 искусственно минеральных вод (стр. 6).

Архив № 171, связка № 178. 17 февраля 1840 г.

Жалоба дворового человека Тихона Гаврилова на подпоручика Василия Измайлова о нанесении ему побоев: Дворовый человек Гаврилов 16 февраля 1840 г. был избит своим помещиком Вас. Ивановичем Измайловым (дело не окончено).

Архив 112, связка 174.

Дело по обвинению волостного головы Жалыбича в произношении им оскорбительных слов против царя. 1840 г. 11 октября. Находившийся в отпуску рядовой лейб-гвардии Павловского полка гренадер подал жалобу на волостного голову «Что Антонов служит не царю, а чорту». Дело передано в суд. Саложковский уезд, Кривская волость.

Архив № 24, связка 201, стол. 111, 1845 год

О наблюдении за наказанием крепостных людей. Министерство внутренних дел сообщает исполняющему должность рязанского граждан. губернатора о том, что «для удержания крепостных людей в повиновении и добром порядке представлено помещикам статьями 971 и 972 т. IX употреблять домашние средства исправления по своему усмотрению, но без увечья. Между тем из дел вверенного им министерства видно, владельцы нередко подвергают означенных людей таким наказаниям, кои по тяжести превосходят дозволенную законом меру домашнего исправления (лист 1).

Архив № 1, связка № 225.

Всех жителей считается в губернии в 1853 г. до 1.373.468. Всех имений в губернии состоит 5.479. Из них заложено и перезаложено — 2566, подвергнуто опеке — 152 (лист 105).

Торговля в Рязанской губернии, как преимущественно земледельческой, весьма незначительна и купцов-капиталистов в губернии очень мало.

Главный предмет торговли составляет покупка и продажа хлеба, лошадей и рогатого скота, в незначительном количестве производится торг железом, ножами, хрусталем, стеклами, зеркаламии разными лавочными товарами (лист 107).

Промышленность более развита в Егорьевском, Зарайском, Касимовском, Рязанском и Спасском (лист 108).

Главнейшие заводы в губернии — зеркальный в Спасском уезде в с. Кирицах г. Генике, два игольных в Пронском уезде г. Полторацкого и в особенности бумагопрядильная и льнопрядильная фабрика в Егорьевске купцов Хлудовых.

Более или менее замечательных заводов и фабрик считается в губернии «29», а остальные в числе «85» ничтожны.

Пристани имеют значение — это Шиловская и Перевлеская. В Шиловской отпуск судов средним числом до 90, а с Перевлеской до 130.

Ярмарки весьма незначительны. На самой главной из них, существующей в г. Касимове с 7-го по 14 июля, оборот простирается до 91.120 руб.

Государственные крестьяне составляют $\frac{1}{3}$ народонаселения губернии, а помещичьи почти $\frac{2}{3}$. Весьма немногие из помещиков заботятся об усовершенствовании земледелия и скотоводства. Крестьяне

придерживаются старинного способа (стр. 120).

Сравнивая урожай 1853 г. с урожаем 1852 г. оказывается, что озимого хлеба в 1853 г. родилось менее, чем в 1852 г. — 1.194.995, а ярового на 1.385.355 четвертей.

В 1853 г. осталось недоимок — 819 021 руб. 77 $\frac{1}{4}$ коп.

В 1853 г. взыскано недоимок — 66 394 р. 48 $\frac{1}{2}$ коп.

оклада — 925.371 р. 47 $\frac{3}{4}$ коп.

Исключено недоимок — 5.757 р. 23 $\frac{1}{4}$ коп.

Оклада — 2.962 р. 73 коп. (лист 131).

Итого — 1.000.485 92 $\frac{1}{2}$ (лист 131).

За тем осталось в недоимках — 864.203 р. 72 $\frac{1}{4}$ коп. Более чем в 1853 г. на 45.181 р. 95 коп. (лист 132):

В числе сей недоимки состоит на мещанах и цеховых — 81.806 р. 86 коп.

На крестьянах: государственных — 617.346 р. 46 $\frac{1}{2}$ коп.

помещичьих и дворовых — 164.550 р. 1 $\frac{1}{4}$ коп.

на других званиях — 500 р. 38 $\frac{1}{2}$ коп.

Всего — 864.203 р. 72 $\frac{1}{4}$ коп.

(лист 132)).

Лист 148: почтовых станций в Рязанской губернии 32, на коих содержится лошадей — 409.

Лист 158: по распоряжению помещиков за дурное поведение отдано в рекруты — 31 и по приговору — государственных крестьян — 1.

Под особым надзором полиции состоит 226 чел. (лист 166).

Врачей в губернии всего — 38.

Приложение 2.

Список круговых и радиальных селений

По материалам научного архива областного краеведческого музея

Михайловский уезд.

1. Печерники.
2. Фирюленка.
3. Окуньково.
4. Анина.
5. Красное.
6. Маркина (вокруг оврага с прудом).
7. Грязное.
8. Старо-Киркино (радиальный);
9. Плахино (радиальный);
10. Высокое.
11. Пупкино.
12. Дербень.
13. Пушкино-Кресты.

14. Подлесная.
15. Захаровка.
16. Катагоща.
17. Занино (вокруг огорода).
18. Хавердово:
19. Троицкое.
20. Федоровское.
21. Серкино:
22. Остроухово.
23. Лялино.

Спасский уезд.

1. Перкино.
2. Степановское.
3. Сумбулово.
4. Аргамаковское.
5. Поляны.
6. Мосолово.
7. Шелухово.
8. Фролово.
9. Троица-Поленица.
10. Ушаково.
11. Красильники.
12. Половское.
13. Федорово.
14. Морозовка.
15. Пичужки.
16. Мжакино.

Пронский уезд.

1. Большое.

Круговые планы и радиальные.

(по данным научного архива Рязан. обл. музея)

Инвентарные №№ архива

1. Никольская Слобода Пронск. у. (г. Пронск)	1382/§
2. Старожилково	» /29
3. Долматово	» /57
4. Тырново	» /64
5. Малиницы	» /68
6. Карповское	» /72
7. Тырнова Слобода	» /80
8. Спасс-Клепичи Рязанского уезда	/157
9. Поляны	» /174
10. Бештвино	» /219
11. Гавердово	» /220
12. Наумовская	» /221
13. Ивашкина	» /229
14. Коростово	» /233
15. Дубровичи	» /240
16. Мервино	» /244
17. Даныово Касимовского уезда	/327
18. Аникова	» /333
19. Клетино	» /347

20. Свинчус	»	124/371
21. Гусевский Погост	»	/372
22. Ерахтур	»	/373
23. Копаново	»	4/402
24. Субонос	»	/403
25. Чучково Спасского уезда		/488
26. Романовы Дарки	»	/489
27. Карабухино	»	/497
28. Норовка	»	/532
29. Чуриловка	»	/611
30. Еглдаево Рязького уезда		/621
31. Пушкарская слобода, Данковского уезда		648,929
31. Ярославы	»	/707
31. Ягодное	»	/717
32. Домачи	»	/721
33. Колодцы	»	/732
34. Телешнево	»	/755
34. Избищи	»	/766
36. Софьинка	»	/855
37. Теглое	»	/875—6
38. Круглое	»	/877
39. Богородицкое Скопинского уезда		/884
40. Секирино	»	/948
41. Липяги	»	/953—4
42. Вослебы	»	/955
43. Черные Курганы	»	/968
44. Яблонево	»	
45. Лыково	»	1382/971
46. Поляны	»	/987
47. Лазинка	»	/990
48. Высокое	»	/1002
49. Чулково	»	/1007
50. Покровское (Гагарино)	»	/1009
51. Рудинка	»	/1020
52. Мураевка	»	/1044
53. Чернава	»	/1046
53. Вязовенка	»	/1054
54. Городецкое	»	/1058
55. Борщевое	»	/1064
56. Горлово	»	/1066
57. Дегтярка	»	/1067
58. Великая Лука	»	/1069
59. Крутое Егорьевского уезда		/1070
60. Пудни	»	/1079
61. Павелец	»	/1074
62. Старое	»	/1094
63. Купли-Ям	»	/1102
64. Дмитровский Погост	»	/1072
65. Старое Василево	»	/1215
66. Раменки	»	/1220
67. Воропина	»	/1227
68. Афанасьево	»	/1240
69. Коренец	»	/1251
70. Лека	»	/1254
71. Волово	»	/1255
72. Харинская	»	/1284
73. Ялмонт	»	/1287

74. Курапово	»	/1288
75. Николаевское (Кольчево)	»	/1293
74. Варлыгино	»	/1294
75. Ивановская	»	/1295
76. Ковалева	»	/1304
77. Ядовлева	»	/1351
78. Тарханова	»	/1377
79. Волосухино	»	/1399
80. Юшина	»	/1402
81. Шевниц	»	/1466
82. Студенец П.	»	/63

Из описи писцовых, переписных, дозорных, перечневых, платежных и межевых книг Рязанской губернии, хранящейся в Центральном государственном Архиве древних актов. (Москва).

Материалы по топонимике поселков, урочищ, рек, озер, по топонимике землевладения и классовым отношениям в б. южных уездах Рязанской губернии, а также по военной истории, освоению, обороне южных районов (т. н. Дикого поля) Московского государства.

ГОД И НАЗВАНИЕ КНИГИ

- 493 — 7186 (1677) г. 1 декабря. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли Малафея Дмитриева Албычева в Диком поле в урочищах Хрущевского Липляка (Городского стана), письма, меры и межевань писцов Ив. Дм. Сонцова и Подьячего Герасима Соболева. К. 391, л. 280—284.
- 494 — 7186 (1678) г. февраля. Подлинная переписная книга посадских, стрелецких и казачьих дворов города и поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Данковском уезде, переписи Дмитрия Степановича Римского — Корсакова и подьячего Ивана Еремеева 13907, л. 91—199.
- 478 — 7186 (1677) г. 9 октября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли Ивана Григорьева Протопопова в Диком поле по дороге из Данкова на Буец и по Березовскому верху, письма, меры и межевань писцов Ив. Дм. Сонцова и подьячего Герасима Соболева. К. 391, л. 232—236.
- 480 — 7186 (1677) г. 12 октября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли кравчаго с путем князя Василья Федоровича Одоевского в Диком поле на речке Вязовне по Кременному верху, письма, меры и межевань писцов Ив. Дм. Сонцова и подьячего Герасима Соболева К. 391, л. 249—254.
- 481 — 7186 (1677) г. 13 октября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли стольника князя Петра Ивановича Хованского в Диком поле вниз по речке Вязовне, письма, меры и межевань писцов Ив. Дм. Сонцова и подьячего Герасима Соболева. К. 391, л. 326—331.
- 510 — 7188 (1679) г. 3 октября. Подлинная межевая книга поместной земли стольников Петра, Матвея и Ивана Алексеевых Головиных в Диком поле на речке Гуциных Рясах, письма и межевань Андрея Ив. Страхова и по-

- дьячего Федора Арцыбушева. К. 119, л. 98—104. Копия с нее К. 13897, л. 46, об.—52.
- 516 — 7188 (1679) г. 25 октября. Подлинная межевая книга поместной земли стольника Алексея Павлова Еропкина в Диком поле по Березову верху, письма и межевания писцов Андрея Ив. Страхова и подьячего Федора Арцыбушева. К. 119, л. 117—125. Копия с нее. К. 13897, л. 60—67.
- 517 — 7188 (1679) г. 26 октября. Подлинная межевая книга поместной земли стольника Ивана Богданова Бобикова за межею старого Данковского городища, письма и межевания Андрея Ив. Страхова и подьячего Федора Арцыбушева. К. 119 л. 141—147. Копия с нее 13897, л. 79, об.—84.
- 519 — 7188 (1679) г. 7 ноября. Подлинная межевая книга вотчинной земли Прокофья Титова Зверева в пустоши, что ныне сельцо Хмелинце, письма и межевания Андрея Ивановича Страхова и подьячего Федора Арцыбушева. К. 119, л. 147, об.—150. Копия с нее К. 13897, л. 84, об. 86.
- 552 — 7188 (1680) г. 14 августа. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли Михаила и Алексея Никитиных и Ивана Яковлева Кондыревых в Диком поле по Березовому болоту и по дорогам Татинской и Данковской, письма, меры и межевания Андрея Ив. Страхова и подьячего Козьмы Корочарова. К. 148, л. 227, об.—240.
- 553 — 7188 (1680) г. 27 августа. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли стольников: Ивана Викулина Извольского, Ивана Михайлова Маслова, Федора Петрова Дубровского, Якова и Филиппа Ивановых Дивовых и Алексея Иванова Ильина в Диком поле на реке Дону по Воронежской дороге, письма, меры и межевания Андрея Ив. Страхова и подьячего Козьмы Корочарова. К. 418, л. 241—250.
- 557 — 7189 (1680) г. 4 сентября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли стольников: Андрея и Ивана Петровых Измайловых в Диком поле от двух озерок по большой Козловской дороге, письма, меры и межевания Андрея Ив. Страхова и подьячего Козьмы Корочарова. К. 418, л. 286—293.
- 574 — 7189 (1680) г. 6 октября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли стольника Михаила Семенова Колычева в Диком поле от Стрелецкой земли на отвершках Бревенных липягов по Малиновской дороге в Данков и подле Елецкой дороги к речке Вязовне, письма, меры и межевания Андрея Ив. Страхова и подьячего Козьмы Корочарова. К. 418, л. 417, об.—423.
- 577 — 7189 (1680) г. 8 октября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли стряпчего Бориса большого Федорова Еропкина в Диком поле по вершинам Березового болота и по большой Данковской дороге на Буец, письма, меры и межевания Андрея Ив. Страхова и подьячего Козьмы Корочарова. К. 418, л. 441—446.
- 584 — 7189 (1680) г. 23 октября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли князя Андрея Михайлова Голыгина в Диком поле от Козловской дороги в Данков

- по Ржавцу, письма, меры и межеванья Андрея Ив. Страхова и подьячего Козьмы Корочарова. К. 418, л. 518—524.
- 588 — 7189 (1680) г. 27 октября. Подлинная мерная и межевая книга поместной земли Владимира Федорова Вердеревского, рязанцев: Ивана Васильева, Петра Фролова и Еремия Лазарева Котовых, Викулы Иванова Чеботаева и Игнатя Парфенова. Бурмина в Диком поле между двумя Скопинскими дорогами (старой и новой), письма, меры и межеванья Андрея Ив. Страхова и подьячего Козьмы Корочарова. К. 418, л. 547—554.
- 617 — 7192 (1683) г. 1 ноября. Подлинная межевая книга поместной земли князей Тимофея, Ивана и Василья Михайловых Шеховских и Михаила Арсеньева в Диком поле при селе Теплом, письма, межеванья Федора Степановича Карцева и подьячего Степана Корочарова. К. 118, л. 243—246. Копия с нее К. 13899, л. 200 об.—202.
- 1177 — 7189 (1680) г. 24 ноября. Подлинная межевая книга поместных земель Алексея Богданова и Ивана Леонтьева Палицыных, Еремея Степанова и Бориса Иванова Соинных, Киприана Минина, Лазаря Тимофеева Хотяницовых в урочищах под избищенским лесом (Городского стана), межеванья Афанасия Андреевича Мусина - Пушкина. К. 231, л. 104—117.

МИХАЙЛОВ

- 1257 — 7194 (1685) г. 4 ноября. Подлинная писцовая и межевая книга стрелецких, казачьих, драгунских и рейтарских земель города Михайлова в слободах: Арефлинской, Лещенской и Луговой, письма и межеванья стольника Федора Андреевича Ильина и подьячего Кузьмы Корочарова. К. 225 л. 138—192.

ПЕЧЕРНИКИ

- 2037 — 7148 (1640) г. Список с писцовой и межевой книги слобод Стрелецкой и Казачьей города, письма, меры и межеванья Алексея Тимофеевича Борзецова и подьячего Ивана Поликарпова. К. 223, л. 107—159. Список же К. 818, л. 1—46.

ПРОНСК

- 2056 — 7148 (1639) 3 октября и 7149 (1641) гг. Список с писцовой книги земли Стрелецкой и Казачьей слобод города, письма и меры Алексея Тимофеевича Борзецова и подьячего Ивана Поликарпова. К. 223, л. 247—341.
- 2057 — 7149 (1641) г. Список с писцовой и межевой книги Ямской слободы города, письма и межеванья князя Ивана Тимофеевича Шахматова. К. 265, л. 455—460.
- 2059 — 7186 (1678) г. Подлинная переписная книга посадных дворов и людей города, переписи стольника Александра Васильевича Ляпунова и подьячего Анисима Нежекина. К. 13341, л. 48—58.

РЯЖСК

- 2200 — 7183 (1675) г. 31 августа. Подлинная межевая книга поместной земли стольника Михаила Юрьеза Татищева в пустоши Диком поле на реке Рановой и речке Кобелше (Пехлецкого стана), межеванья Фед. Вас. Протасьева и подьячего Вас. Мануйлова. К. 388, л. 246—251. Копия с нее К. 13894, л. 226—231.
- 2202 — 7184 (1675) г. 2 сентября. Подлинная межевая книга поместной земли стольника, полковника и головы Московских стрельцов Василия Борисова Бухвостова в урочищах Дикого поля на речке Полотебне в Росошах (Пехлецкого стана), межеванья Федора Васильевича Протасьева и подьячего Василия Мануйлова. К. 388, л. 276—285. Копия с нее К. 13894, л. 254—263.
- 2203 — 7184 (1675) г. 6 сентября. Подлинная межевая книга поместной земли стряпчего Петра Григорьева Вердеревского в пустоши Диком поле за Черным курганом (Пехлецкого стана), межеванья Фед. Вас. Протасьева и подьячего Василия Мануйлова. К. 388 л. 293—297. Копия с нее К. 13894, л. 270—274.
- 2204 — 7184 (1675) г. 6 сентября. Подлинная межевая книга восточной земли Иосифа, митрополита Рязанского и Муромского, в пустоши Диком поле по обе стороны Озерок (Пехлецкого стана), межеванья Федора Вас. Протасьева и подьячего Василия Мануйлова. К. 388, л. 286—292. Копия с нее К. 13894, л. 264—270.
- 2216 — 7186 (1677) г. 8 октября. Список с межевой книги поместной земли стольника Петра Андреева Измайлова и Ивана, Агея и Якова Арцыбашевых в урочищах дикаго поля под конец полей сел: Чульова и Воскресенского, Победная ток, за дальнею речкою Полотебенною (Пехлецкого стана), межеванья стольника Глеба Степан Юрьева и подьячего Ивана Обрютина. К. 13896, л. 99—104.
- 2219 — 7186 (1677) г. 20 октября. Список с межевой книги поместных земель стольника Ивана Иванова и Петра Григорьева Вердеревских, князя Михаила Андреева Волконского, князя Михаила Иванова Лыкова, Василья Васильева Коробина и Ермолая Иванова Горюшкина в урочищах на речке Полотебне вверх по левую сторону и по конец полей сел: Секирина, Чульова и Кореневого (Пехлецкого стана), межеванья стольника Глеба Степановича Юрьева и подьячего Ивана Обрютина. К. 13896, л. 123—132.
- 2235 — 7187 (1678) г. 16 сентября. Список с межевой книги князей Михаила Иванова, Бориса и Ивана Степановых Засекиных, Петра Матвеева Апраксина с братьями, Петра Андреева Бунякова и Акинфия Никитина Трегубова в пустоши на реке Хупте под Гайком (Пехлецкого стана), межеванья стольника Глеба Степановича Юрьева и подьячего Ивана Обрютина. К. 13896, л. 80—87.
- 2241 — 7187 (1678) г. 7 октября. Список с межевой книги поместной земли Ивана Анисимова Ишина в урочищах от Рязанского рубежа по Телятниковскую дорогу (Пехлецкого стана), межеванья стольника Глеба Степановича

- ча Юрьева и подьячего Ивана Обрютина. К. 13896, л. 270—273.
- 2243 — 7187 (1678) г. 15 октября. Список с межевой книги поместной земли боярина Петра Васильевича Шереметова и стольника Михаила Протасьева Оксакова в урочищах по речке Малой Хупте от кургана к Лебяжью болоту (Пехлецкого стана), межеванья стольника Глеба Степановича Юрьева подьячего Ивана Обрютина К. 13896, л. 279—283.
- 2252 — 7187 (1678) г. 15 ноября. Подлинная дозорная книга Рязских засечных земель, письма и дозоры стольника и воеводы Назарья Ивановича Чевкина. К. 390, л. 686—691.
- 2253 — 7187 (1679) г. февраля. Подлинная переписная книга дворов засечных сторожей Рязской засеки, переписи Ивана Бутурлина. К. 390, л. 704—715.
- 2283 — 7190 (1681) г. 1 ноября. Подлинная писцовая и межевая книга поместных и вотчинных земель князей Ивана Васильева, Владимира Юрьева, Михаила Юрьева и стольника Ивана Юрьева Ухтомских, Андрея Ивановича Долгова - Сабурова, Аверкия Родионова Протасова, князя Андрея Ивановича Волконского, стольника князя Василия Юрьева Ухтомского, Романа Григорьева Войникова, Дмитрия Михайлова Павлова, Григорья, Михаила, Афанасья и Перфиля Петровых Обрывцовых, Федора Михайлова Павлова, Григорья Алексеева Сатина, Ивана Давылова Гагина, Матвея Гаврилова Звягина, Владимира Андреева Лихарева, стольника Ивана Алексева и Ирины Алексеевой, жены Мусиных-Пушкиных, и стольников Луки Ивановича Дурова и Петра Матвеева Опраксина с товарищи в селе под Верхним Гаем на реке Лесном Воронеже (Пехлецкого стана), межеванья писцов: Григорья Леонтьевича Кабякова и подьячего Гаврилы Данилова. К. 118, л. 58—224. Копия с нее К. 13899, л. 55—185.
- 2292 — 7193 и 7194 (1685 и 1686) г. г. Подлинная писцовая и межевая книга посадской церковной земли в городе Рязке и поместных и вотчинных земель разных владельцев в сельце Малой Хупотке, что была слобода Фофанова, в пустоши Диком поле, слободе Захупоцкой и селе Алешках, письма и межеванья писцов: Дмитрия Васильевича Ракитина и подьячего Луки Тетерина. К. 141, л. 95—151.
- 2294 — 7194 (1686) г. 17 июня. Подлинная писцовая и межевая книга посадских и стрелецких дворов и дворовых в городе Рязке и стрелецкой земли в селе Поплевине, письма и межеванья писцов: Дмитрия Васильев Ракитина и подьячего Федора Арцыбушева. К. 225, л. 328—33.
- 2297 — 7198 (1689) г. 23 ноября. Подлинная межевая книга поместной земли стольников Саввы и Ивана Ивановых Ознобишиных, Кузьмы Леонтьева Бунина и стрелца Василия Нижитина Волынского в пустоши Диком поле под Урусовым Липягом на реке Рановой (Пехлецкого стана), межеванья воеводы князя Никиты Петровича Дулова. К. 394, л. 26—32.
- 2992 — 7199 (1690) г. 18 октября. Подлинная межевая

- книга поместных и вотчинных земель боярина Ивана Федоровича Вольтского в пустоши Диком поле на реке Хупте под Коренным лесом и Ровным Липятом (Пехлецкого стана), межеванья воеводы князя Никиты Петровича Дулова. К. 394, л. 40—49.
- 2302 — 7200 (1691) г. 26 октября. Подлинная межевая книга земли стольника Ивана большого Васильева Дашнова в урочищах дикого поля на речке Лесном Воронеже (Пехлецкого стана), межеванья губного старосты Дмитрия Ермолаевича Гавердовского. К. 394, л. 77—82.
- 2305 — 7201 (1692) г. 11 ноября. Подлинная межевая книга вотчин пресвященного Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского — сел Князева-Займища, Владычня тож, и Павловского и деревни Петрушиной с деревнями (Пехлецкого стана), письма и межеванья стольника и воеводы Василия Григорьевича Ознобищина. К. 393, л. 28—48.
- 2311 — 7202 (1693) г. 23 сентября. Подлинная межевая книга поместных земель боярина Алексея Петровича Салтыкова, Федора Иванова и Дмитрия Семеновы Давыдовых, Ильи Иванова Ильина и Ивана Алимпиера Толпыгина в урочищах Дикого поля от Малого Лебежейца по Журавлинский рубеж, через посольскую дорогу по толстой ольх (Пехлецкого стана), межеванья Артемья Григорьевича Мозолевского и подьячего Семена Воронина. К. 394, л. 138—147.
- 2315 — 7202 (1693) г. 14 октября. Подлинная межевая книга земли князей боярина Константина Осиповича и брата его Ивана Щербатовых в Диком поле в Муромском городище, на речке Муроевне и реке Ранове (Пехлецкого стана), межеванья стольника Ивана Васильевича Тутолмина и подьячего Ивана Андреянова. К. 394, л. 178—184.
- 2316 — 7202 (1693) г. 3 ноября. Подлинная межевая книга поместной земли Луки Иванова Тютчева, Ивана Иванова Фролова-Багреева, Кирилы Петрова и Фомы Кондратьева Куровых в пустоши Диком поле вверх Большаго Ржавца, по правую сторону до круглого озера и Ольховской дороги (Пехлецкого стана), межеванья стольника и воеводы Потапа Васильевича Фролова и подьячего Семена Воронина. К. 394, л. 185—192.
- 2322 — 7202 (1694) г. 20 июня. Подлинная межевая книга поместных и вотчинных земель стольников: Василья, Ивана и Луки Ивановых и Ивана Васильева Фроловых-Багреевых в сельце, что была пустошь Дикое поле под Тишевскою дубровою, от Святого озера к реке Хупте до речки Лапотки (Пехлецкого стана), межеванья стольника Потапа Васильевича Фролова и подьячего Панкратья Протопопова. К. 394, л. 218—230.

РЯЗАНЬ И ПЕРЕЯСЛАВЛЬ РЯЗАНСКИЙ

- 2329 — 7124 (1616) г. Список с дозорной книги острога бывшего городка Печерникова, его посада и слобод: Стрелецкой, Казачьей и Пушкарской, и поместных и вотчинных земель в станах: Моржевском, Кобыльском и Перевицком, письма и дозора Поликарпа Давыдова и подьячего Панкратья Бабанина. К. 398, л. 1—423.

- 2333 — 7136 (1628) г. Подлинная писцовая и межевая книга вотчинных земель Михаила Петрова, Григорья, Петра и Ивана Петрова Вержеревских в сельце Коровине Большом и деревне Коровине, Ворышаева тож (Кобильского стана), деревне Мокрой слободе, Ножилова, Ямна тож, и в сельце Долматове (Каменского стана), стряпчего Юрья Васильева Коледицкого в деревне Дудкиной и в сельце, что была пустошь Загорье, Ивана Лукьянова Пустынникова в деревне Дуткиной, Федора Федорова Уварова в пустоши Слободе Кутнее, слободе Зимнице, Березники, Матчина Поляна тож, и пустоши Квасниках (Каменского стана), письма, меры и межеванья писцов Григорья Федоровича Киреевского и подьячего Никиты Перфильева. К. 13336, л. 32—71.
- 2343 — 7138 (1630) г. 15 июля. Подлинная писцовая и межевая книга поместной и вотчинной земли Никифора Рахманова-Вельяминова в Черной слободе (Старорязанского стана), письма, меры и межеванья писцов Григорья Федоровича Киреевского и подьячего Никиты Перфильева. К. 229, л. 486—498.
- 2351 — 7149 (1641) г. Список с межевой книги вотчинных земель архиепископа Рязанского и Муромского в деревнях Пустом поле и Городище, подьячего дружины Огаркова и Никиты Григорьева Рязевского в деревне Матвеевке и Алексея Тимофеева Борзцова в деревне Кутуковой (Старорязанского и Понинского станов), письма и межеванья князя Василия Григорьевича Вяземского. К. 13323, л. 856, об—905.
- 2354 — 7154 и 7155 (1646 и 1647) г. г. Подлинная переписная книга посадских дворов города Переяславля Рязанского, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах: Окологородном, Пониском и Старорязанском, волостей: Стружанской, Черногорской, Шегорьянской, Дягилевой, Гусь Великом, Дворе и Курши, дворцовых ловецких сел: Бела-Омута, Ловец и Любуч и слободы Селецкой, переписи Лаврентья Михайловича Раевского и подьячего Константина Лукина. К. 414, Копия с ней К. 13338 и 13339.
- 236 — 7160 (1651) г. 30 сентября. Подлинная межевая книга вотчины Льгова монастыря — сел: Аристова, Яристова тож, и Старого Льгова с деревнями и пустошами (Окологородного и Старорязанского стана), межеванья Тимофея Гавриловича Халунского и подьячего Мирона Силина. К. 386, л. 65—201. Копия с нее К. 13892, л. 59—172.
- 2363 — 7160 (1652) г. 16 июля. Подлинная дозорная книга Рязанских засеков: Вокской и Красносельской, письма и дозора стольника и воеводы князя Андрея Михайловича Солнцева. К. 415, л. 3—10.
- 2366 — 7176 (1667) г. 23 октября. Подлинная переписная книга вотчины вдовы боярина Бориса Ивановича Морозова-боярыни Анны Ильиничны—села Киструса с деревнями (Старорязанского стана), переписи стольника князя Василия Васильевича Кропоткина. К. 268, л. 65—157.
- 2368 — 7176 (1667) г. 7 ноября. Подлинная переписная книга вотчины вдовы боярина Бориса Ивановича Моро-

- зова—боярыни Анны Ильиничны—Селецкой рыбной слободки (Понискаго стана), переписи стольника князя Василья Васильевича Кропоткина. К. 268, л. 168—174.
- 2369 — 7181 (1672) г. 17 декабря. Подлинная межевая книга дровосечнаго леса вотчины Солотчинского монастыря деревни Дюрки (стана не обозначено), межеванья мещерианина Григорья Калинина. К. 415, л. 68—76.
- 2370 — 7183 (1674) г. 8 ноября. Список с межевой книги поместных и вотчинных земель стольника князя Андрея Иванова Хилкова, Игнатя Глебова Вердеревского с товарищи, боярина Артамона Сергеевича Матвеева, боярина князя Юрья Никитича и стольника князя Федора Юрьева Борятинских, стольника Семена Иванова Колычева в селе Воскресенках, и стольника князя Андрея Иванова Хилкова, Игнатя Глебова Вердеревского, Михайлы Степанова Свечина, дьяка Филиппа Артемьева и Петра Петрова Львова с товарищи, боярина князя Юрья Никитича Борятинского, боярина Артемона Сергеевича Матвеева и стряпчего Александра Семенова Колычева в пустоши, что ныне село Старая Дуброва (Каменскаго стана), межеванья Ивана Юрьевича Бахметева и подьячего Козьмы Корочарова. К. 417, л. 214—287.
- 2884 — 7187 (1679) г. Подлинная дозорная книга Рязанских, Вояжских и Красносельских засек, письма и досмотра стольника Тимофея Устиновича Хрущова. К. 390, л. 738—749, 761—813.
- 2413 — 7196 (1688) г. августа и 7197 (1688) сентября. Подлинная межевая книга поместья и вотчин Лаврентия Сергеева Теглева, Домны Степановой Левашовой и Тимофея Васильева Керобина—села Помозова и пустошей: Краснаго Селища, Липаваго лоску, Дорочкинки, Суренки, Настыцы и Митякиной (Моржевскаго стана), межеванья стольников и воеводы Акима Яковлевича Ржевскаго. К. 423, л. 166—210.
- 2416 — 7198 (1689) г. 10 сентября. Подлинная межевая книга вотчинной земли Богословскаго монастыря на речке Ржавце (Окологороднаго стана), межеванья стольника и воеводы Акима Яковлевича Ржевскаго. К. 423, л. 233—247.
- 2419 — 7198 (1690) г. 29 августа. Подлинная межевая книга поместной земли стольников: Григорья, Никифора, Василья, Леонтыя и Ивана Ефимовых Масловых в деревне Селище Лесицах (Можарскаго стана), межеванья стольника Акима Яковлевича Ржевскаго и подьячего Степана Корочарова. К. 423, л. 264—277.
- 2424 — 7201 (1692) г. 2 октября. Подлинная межевая книга поместной и вотчинной земли вдовы боярина князя Ивана Алексеевича Воротынскаго — княгини Натальи Львовны и стольников Ивана и Андрея Усовых в селе Подновье, Секиотово, Полные и Олабино тож (Кобыльскаго стана), письма и межеванья стольника Юрья Федоровича Шишкина и подьячего Дмитрия Воронова. К. 423, л. 388—394.
- 2428 — 7202 (1693) г. 4 сентября. Подлинная межевая книга вотчинной земли Радовицкаго монастыря в полях между Перевицкой чернопосадской земли (Перевицкаго

стана), межеванья стольника Акима Яковлевича Ржевского. К. 423, л. 401—415.

САПОЖОК

- 2432 — 7135 и 7136 (1627 и 1628) г. г. Подлинная межевая книга церковных и полковых белопоместных казачьих земель, письма и межеванья Григорья Федоровича Киреевского с товарищи. К. 229, л. 26, 465—485. Копия с нее К. 846, л. 13—20.

ТЕМНИКОВ

- 2626 — 7122 (1614) г. Список с писцовой книги города, его посада и слобод: Стрелецкой и Ямской и поместных земель в уезде, письма и дозора Ивана Усова, Ильи Дубровского и подьячего Федора Посникова; окончания недостает. К. 471.
- 2629 — 7186 (1678) г. Подлинная переписная книга дворов и людей мордовских деревень в станах: Подгородном, Пичиполонском и Оксельском, переписи стольника Андрея Никитича Самарина и подьячего Афанасья Зворыкина. К. 6456.
- 2633 — 7194 (1686) г. Подлинная писцовая книга мордовских и бортниковских деревень и пососных крестьян в Подгородном стане, письма и меры писцов: Дмитрия Максимовича Полоченинова и подьячего Ананья Немцова. К. 472, л. 466—484.
- 2634 — 7197 (1688) г. 26 сентября. Подлинная межевая книга поместных земель деревни Коляевы мордвы Чурачки Атикова с товарищи—подле Немки Помринского ржавца (Подгородного стана), письма и межеванья стольника и воеводы князя Якова Григорьевича Козловского. К. 473, л. 23—37. Копия с нея К. 885, л. 23—34.

ШАЦК

- 2397 — 7191 (1683) г. мая. Подлинная межевая книга поместной и вотчинной земли Первилья и Никифора Мошоновых в пустоши Прудках, Алексея и Семена Коравяевых и Григорья Улитина в сельце Плешкове, Григорья Таптыкова в сельце Головачеве, Ульяна и Ивана Натальина, Алексея Житова, Ивана и Петра Натальина, Федора Кудрявцева, Ивана Вертиглазова и Сидора Буковского в сельце Головачеве, Семена Мелгунова, Анисима и Андрея на Гнездовых и стольника Михаила Матюшкина в селе Озерицах и боярина князя Никиты Семеновича Урусова в селе Жилкиничих (Перевицкого стана), письма меры и межеванья стольника Ивана Игнатьевича Селиванова и подьячего Максима Бушорина. К. 423, л. 127—165.
- 2399 — 7191 (1683) г. 25 августа. Подлинная межевая книга поместной земли стольника Ивана Иванова Вердеревского в пустоши Кононовском селище (Моржевского стана) письма, меры стольника Афанасия Устиновича Хрущева и подьячего Ивана Корочарова. К. 423, л. 39, об.—44. Копия с нее К. 926 л. 196—201.

ПЛАНЫ ПОСЕЛКОВ
И ПОЯСНЕНИЯ К НИМ

№ 1

ПЛАН
села
Нармушадь
(1847.)

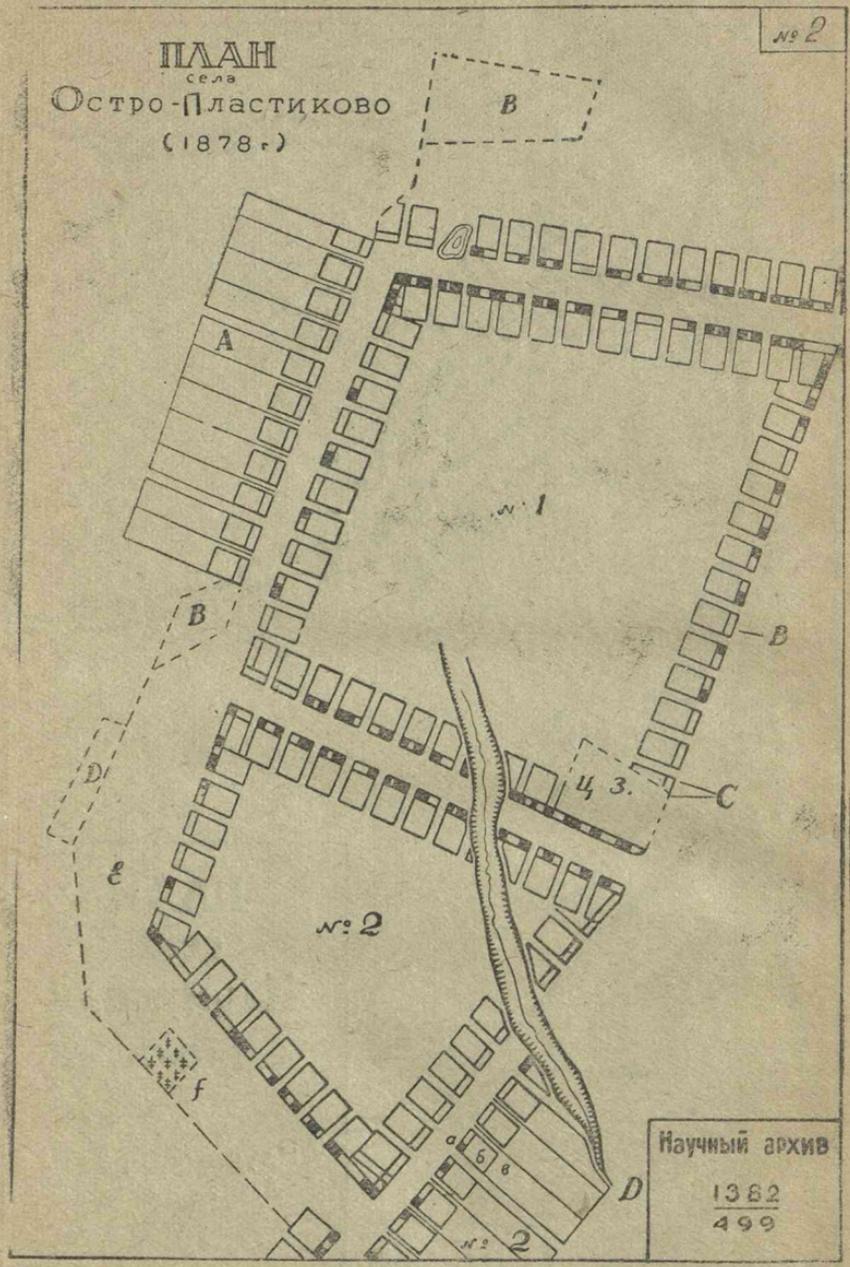
Научный архив

1382

401

№ 2

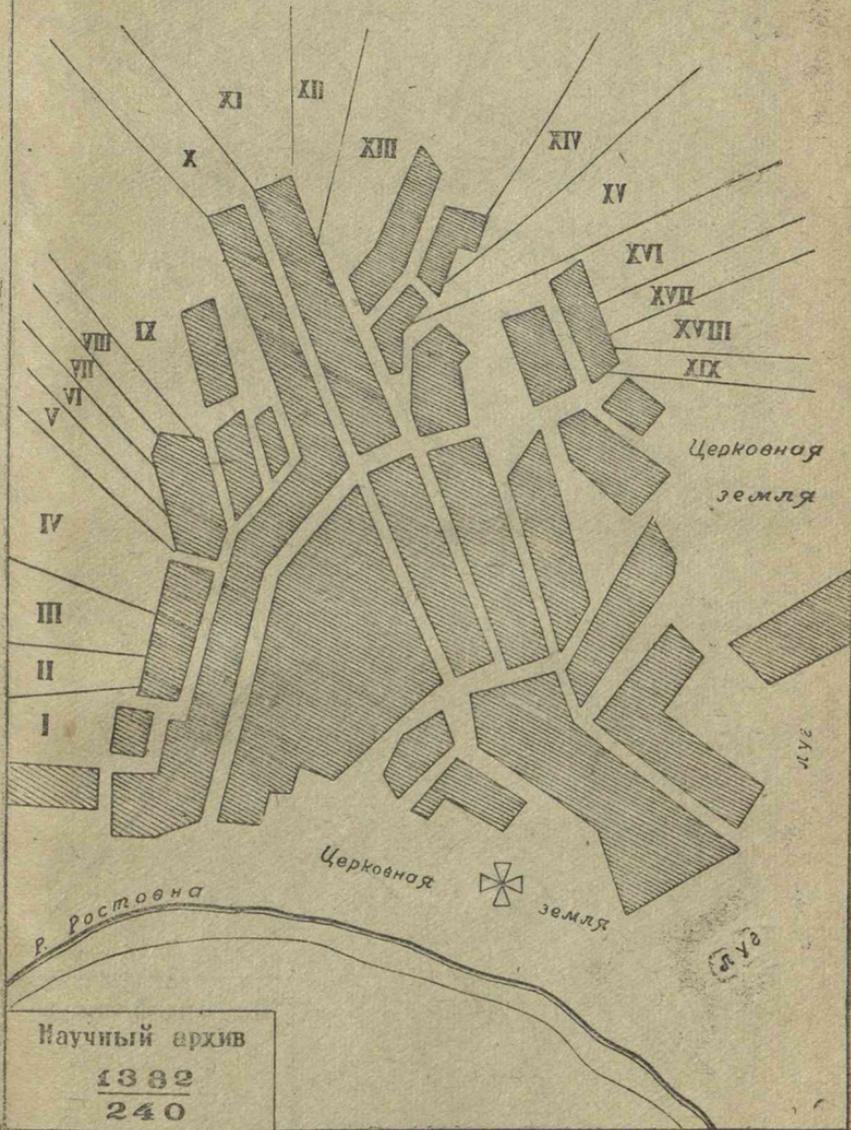
ПЛАН
села
Остро-Пластиково
(1878г.)

Научный архив
 1382
 499

План с. Дубровиц

(1910 г.)

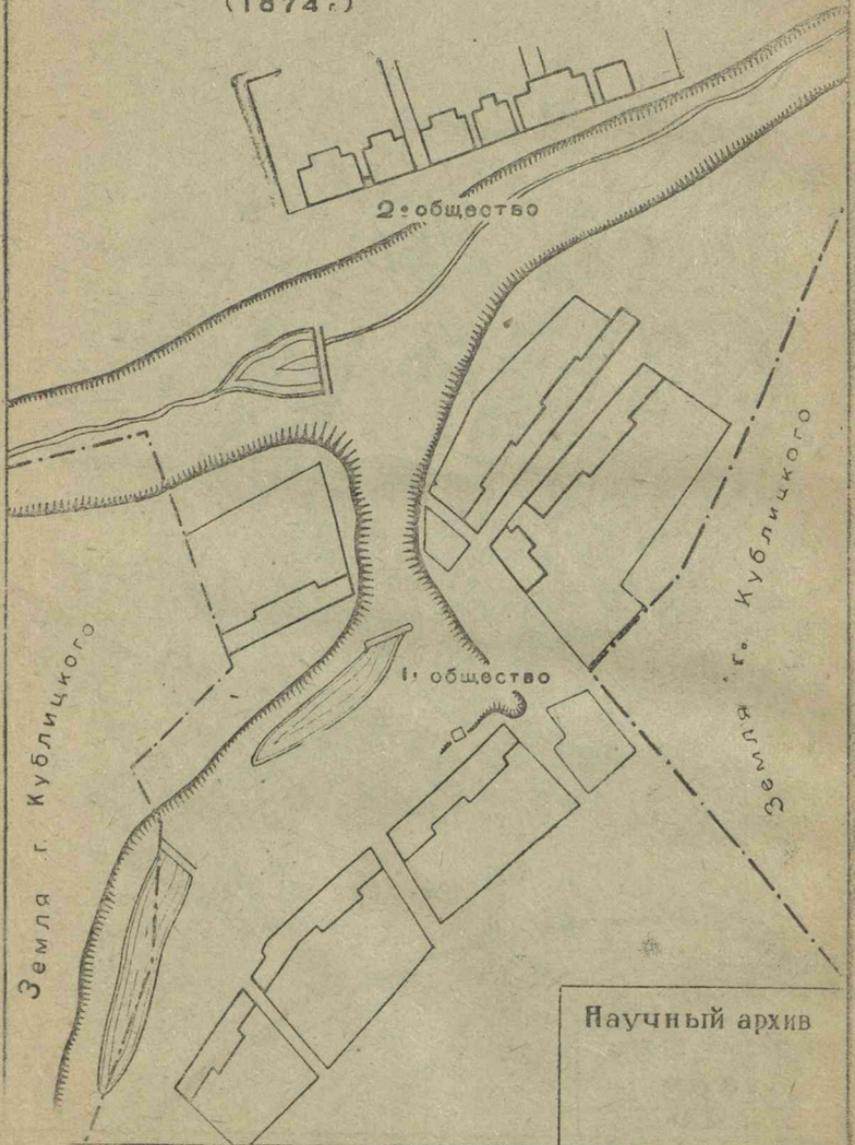

Научный архив

1382
—
240

План с. Никуличи

(1874 г.)

Земля г. Кублицкого

2-е общество

1-е общество

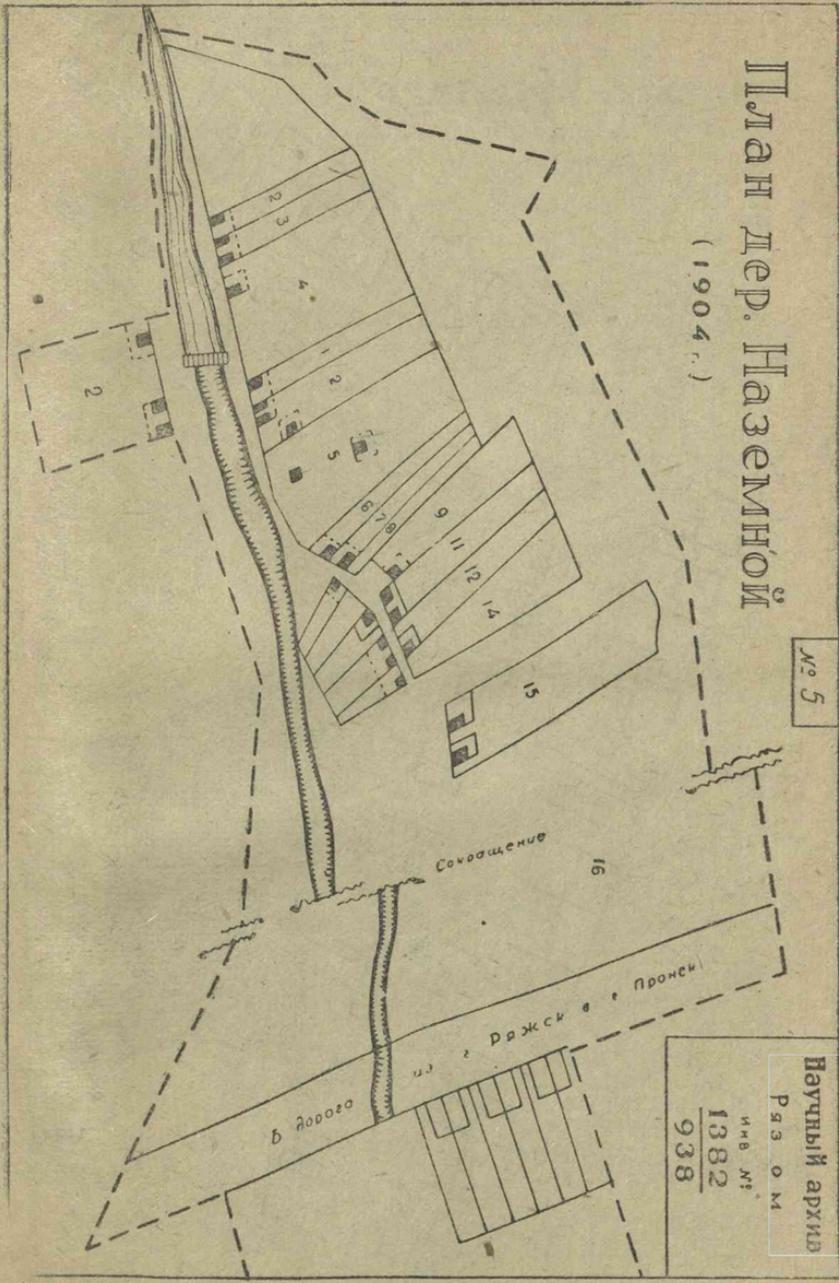
Земля г. Кублицкого

Научный архив

План дер. Наземной

(1904 г.)

№ 5

Научный архив

Ряз. о. м.

инв. №

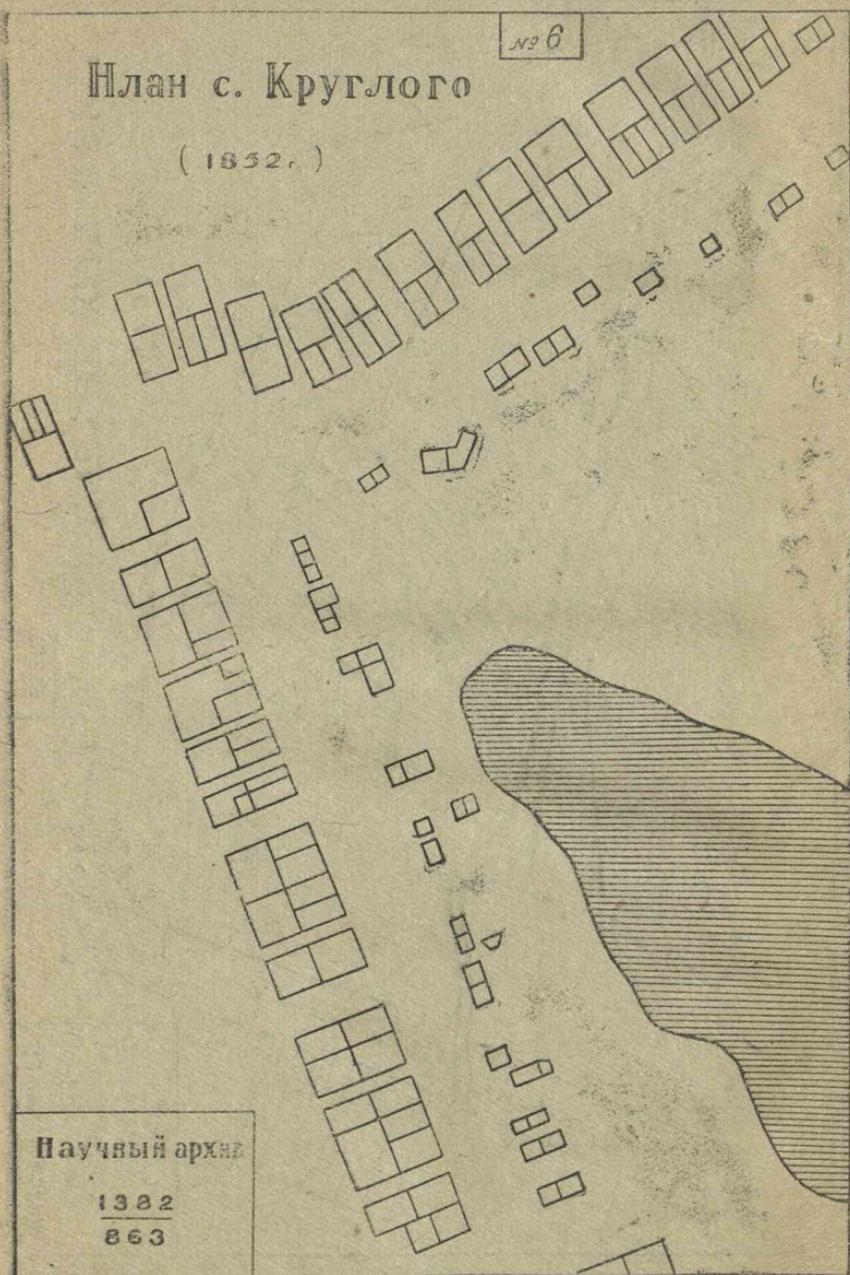
1382

938

План с. Круглого

(1852г.)

№ 6

Научный архив

1382

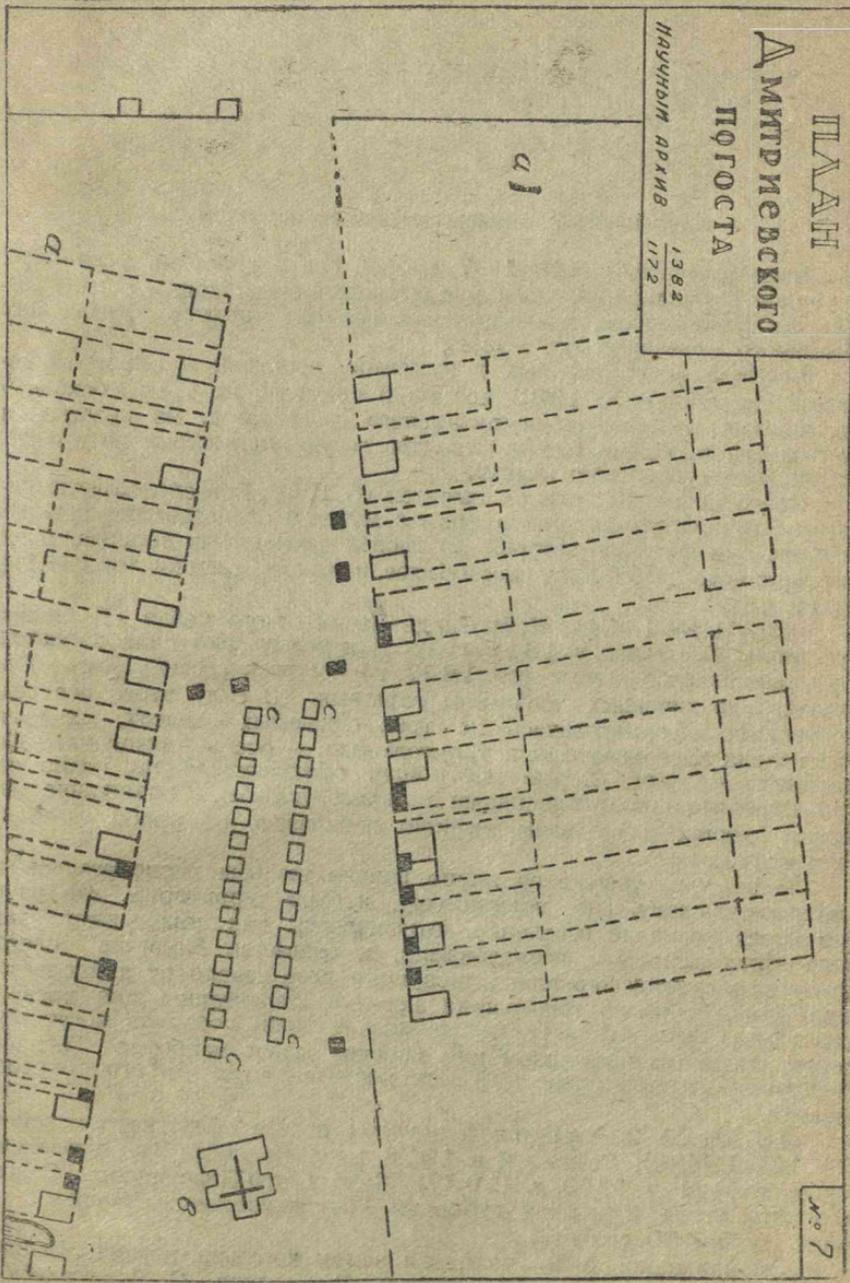
863

ПЛАН

АМТРИНЬСКОГО
ПОГОСТА

НАУЧНЫЙ АРХИВ
1382
1172

а)

№ 7

Пояснения к чертежам планов поселков

Данные чертежи №№ 1—7 планов сел и деревень различных б. уездов Рязанской губернии представляют собой копии с документальных подлинников, хранящихся в научном архиве Рязанского областного краеведческого музея.

Богатый фонд архивных документов, чертежей и описаний поселков, за общим № 1382 возник и сложился из трех основных источников: из канцелярии рязанского губернатора, из ведомственного местного архива б. министерства госуд. имуществ и из архивов Рязанского губернского земства.

Всего подлинных планов имеется до 1500. Все они зарегистрированы и коротко описаны в архиве музея и представляют богатый интерес при изучении истории рязанской деревни как периода, предшествующего 1861 году, так и более позднего времени (от 1861 до 1912 года).

ПЛАН № 1. Село Нармушадь Касимовского уезда Рязанской губернии. Составлен в 1817 году. Для топографии села характерно расположение старых (до 1847 г.) построек (домов, дворов) на мысах, ограниченных глубомики оврагами. В силу этого все село постепенно сформировалось на трех отдельных мысах, каждая часть села расположилась в треугольнике — очень типичном для древних городищ. Старые постройки, обозначенные на плане затушеванными прямоугольниками и новые усадьбы, возникшие на новых местах (обозначены линией) начинались от краев мыса и шли вглубь него.

В верхнем участке на плане ранние усадьбы располагались по крутовому плану. Это, повидимому, и была территория, где раньше всего возникло поселение, относящееся, как показывают данные археологических исследований, к славянам. Наличие следов кругового славянского плана, ведущего свое начало от трипольской культуры, а также топография поселка — характерны для древних городищ. Они показывают, как подобные планы поселков могут служить надежным источником для поисков следов наиболее раннего поселения на территории того или иного села или в его окрестностях.

ПЛАН № 2. Хранится в научном архиве областного музея за № 1382 (499). Составлен в 1878 году. Подписан и утвержден губернатором в 1879 г. (10.IV). Село Остро-Пластиково Сапожковского уезда Рязанской губернии (на подлиннике масштаб: в англ. дюйме 50 саженей).

Экспликация: А В — пахотная земля крестьян помещ. Вышинских, В С — огородная земля помещ. Вышинских, С Д — усадебная земля помещ. Эммэ, Д Г — пахотная земля крестьян помещика Эммэ.

№ 1—усадыбы крестьян помещика Вышинских, № 2—усадыбы крестьян помещ. Эммэ, Д—гумна крестьян помещ. Эммэ, Е—выгон крестьян помещ. Эммэ, № 3 запасные усадебные места крестьян помещ. Эммэ, А—запасные усадебные места крестьян помещ. Вышинских, В—гумна крестьян помещ. Вышинских, С—выгон—крестьян помещ. Вышинских.

План села Остро-Пластинково интересен тем, что все дома и усадыбы крестьян расположены по линиям и двух четырехугольников, а середина четырехугольников обозначает территорию, занятую огородами и пахотной землей; гумна отнесены в одно место и удалены от усадеб.

Такая редная планировка усадеб диктовалась волею каждого помещика, желавшего, чтобы его крепостные крестьяне были сосредоточены в одном месте.

ПЛАН № 3. Значится под № 1382 (240). Село Дубровичи Рязанского уезда Шумошской волости. Составлен в 1910 году и в том же году утвержден и подписан губернатором. Масштаб на подлиннике плана: в 1 англ. дюйме 50 саж. По X ревизии 1858 г. в селе Дубровичах по данным земской статистики (Сборник статистических сведений по Рязанской губернии Рязан. уезд., изд. Москва 1882 г., стр. 80—85) состояли крестьяне собственн. бывш. Ильиной, Мазаевой, Редигер, Левицких, Левицкой, Щетининой, Щепотьевой, Аксионовой, Сазонова, Головина, Княжевич, Флейгер, Дятлова, Саловова.

Экспликация: I—пахотная земля, пашня Поздняковых, II—Можаровых, III—Левицких, IV—Фитгер, V—Протоповых, VI—Замятинных, VII—Румянцевых, VIII—Княжевиных, IX—Ильиной, X—Дубовицкого, XI—Кохановой, XII—Полубяринова, XIII—Попова, XIV—Шутиной, XV—Религер, XVI—Петрова-Саловова, XVII—Новицкого, XIX—Тесницкого, XX—Пушкина.

Из плана видно, что после реформы 1861 года вся основная масса полевой земли (пашни) вокруг села Дубровичи принадлежала помещикам (20 владельцев земли), а небольшая часть пашни оставалась на долю крестьян. Среди владельцев земли видны и такие как Петровы-Солововы, которым принадлежал бань в Рязани. Следовательно, как отмечал В. И. Ленин, «крестьян освободили (в 1861 году) и от крепостного права и от земли». Это хорошо видно на примере села Дубровичи.

Ярко выявляющийся здесь радиальный план сложился на основе кругового плана в результате расслоения населения и внедрения значительного количества землевладельцев, получивших после 1861 года поместья за счет обезземелившихся местных крестьян.

ПЛАН № 4. Село Никуличи Рязан. уезда, Ямской волости. Масштаб: в дюйме—50 саж. Снят в 1874 году. Крестьяне села делились на два общества: 1-е общество помещика Рюмина, 2-е общество помещицы Стрекаловой. План представляет «гнездовое» распределение усадеб на два гнезда (общества) и фиксирует, несмотря на реформу 1861 года, принадлежность значительной части земли двум помещикам. Земельные владения помещиков начинаются прямо от села и даже окружают село, создавая тем самым неизбежность дальноземелья и чересполосицы земельных наделов крестьян. Так называемый «гнездовой» план в с. Никуличах 1874 года возник в результате распределения крепостных крестьян по двум помещикам. Центром поселка, от которого начиналось его развитие и разрастание, служило озеро.

ПЛАН № 5. Инв. № в научном архиве—1382—938. Масштаб на подлинном чертеже в ант. дюйме—50 саж. Деревня Наземная Моклаковской волости Скопинского уезда Рязан. губернии. Составлен в 1909 г. и в том же году одобрен строит. отделом Рязан. губернс. правления. Обозначения на плане: 1 купчая крестьян Королева, 2—государственных крестьян, 3 — временно обязанных крестьян помещ. Блютина, 4—купчая Платона Листопова, 5—губернск. секретаря Гольцова, 6—дворянина Ивана Трофимова, 7—дворянина завода Трофимова, 8—дворянина А-дра Венюкова, 9—дворянина Дмитрия Макарова, 10—купчая Сав. Сергеева, 11—временнообязан. крестьян помещ. Прорвич, 12—дворянина Трухановз., 13—купчая Иона Федорова, 14—дворянина Ефима Подыкольского, 15—врем. обязанных крестьян помещ. Бигичева, 16—общий выгон дер. Наземной.

Данный план весьма наглядно отражает проникновение буржуазных отношений в деревню и расслоение деревни, кроме того характеризует судьбу мелких служилых людей: б. дворян-однодворцев, постепенно превращавшихся в государственных крестьян. Для процесса проникновения капиталистических отношений в деревню Наземную характерно наличие большого количества владельцев т. н. купчей земли.

ПЛАН № 6. Инв. № в научном архиве — 1382 (863). Село Круглое, Данковского уезда Рязанской губернии. Составлен в 1852 году. По X ревизии 1858 года в составе жителей села Круглого по данным земской статистики (Сборник статистическ. сведений по Рязан. губ. т. II, вып. II, изд. 1882 г. г. Скопин: стр. 98, 99—103) числятся крестьяне временно-обязанные (415 душ обоего пола), смежные: временно-обязанные Харламова и Писарева, тоже Соинных, тоже Глаголевой, государственные бывшие Кузьмина, бывш. государственные душевые.

План характерен следующими особенностями: 1) развитие поселка и его планировка тесно связаны с центром—озером, к которому и тяготеют дома и усадьбы, 2) надворные постройки (амбары, сараи, риги) и гумна расположены впереди домов (перед домами), 3) расположение построек по типу станиц, вытянутых в одну линию, что характерно для южных степных районов.

Ярким примером такого расположения поселка являлся еще план сельца Дубцова Данковского уезда, где все многочисленные дома вытянуты в одну линию по берегу Дона, впереди домов расположены амбары, риги, гумна, а позади усадьбы-огороды.

ПЛАН № 7. Инв. № 1382 (1172). Село Дмитриевский погост. Егорьевского уезда Рязанской губернии. План поселка типично «погостный». Старые постройки (обозначены затушеванными квадратами). Возникло и увеличивалось их количество вокруг центра. Этим центром являлась старая торговая площадь, на которой стояло 26 деревянных лавок (обозначены буквой С и затушеванными квадратами). Планировка улиц, наличие лавок и торговой площади свидетельствуют, что в этом поселке сохранились черты древнего поселка погоста, возникновение которого относится еще к X веку в Киевской Руси.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловіе	3
Архивные документы, как исторические источники	7
Топонимика, как источник для изучения истории края	13
Использование этнографического материала при изучении истории края	19
Одежда	26
О Пронске, как одном из древнейших городов Рязанского края	28
Образцы архивных документов, как источников для историко-краеведческой работы	
Приложение 1	44
Приложение 2	46
Приложение 3	50
Планы поселков и пояснений к ним	59

Редактор А. А. ДОРОНИНА.

НВ06346 Объем 4¹/₂ п. л. Сдано в набор 26/X
Подписано к печати 21. I. 1950 г. Заказ № 5560 Тир
Рязанская типография. 600

